

Харуки Мураками

Хроники Заводной Птицы

Книга первая.

Сорока-воровка.

Июнь-июль 1984 г.

1. Заводная Птица во вторник

Шесть пальцев и четыре груди

Когда зазвонил телефон, я варил на кухне спагетти, насвистывая увертюру из «Сороки-воровки» Россини, которую передавали по радио. Идеальная музыка для спагетти.

Я подумал, не послать ли звонок к черту: спагетти почти сварились, и Клаудио Аббадо подводил Лондонский симфонический оркестр к музыкальному апогею. Впрочем, пришлось сдаться: кто-нибудь из приятелей мог предлагать работу. Я убавил огонь на плите, зашел в гостиную и снял трубку.

– Удели мне десять минут, – сказала трубка женским голосом.

На голоса у меня память неплохая, но этот был незнаком.

– Извините? Кого вам нужно? – вежливо осведомился я.

– Тебя, конечно. Дай мне десять минут, и мы сможем понять друг друга. – Голос звучал низко, мягко – и в то же время тускло.

– Понять друг друга?

– Я имею в виду чувства.

Я заглянул на кухню. Спагетти кипели вовсю – из кастрюли валил пар. Аббадо продолжал командовать «Сорокой-воровкой».

– Извините, но я как раз готовлю спагетти. Не могли бы вы перезвонить

позже?

– Спагетти?! – изумленно проговорила женщина. – Ты в пол-одиннадцатого утра варишь спагетти?

– Ну, тебя это не касается. – Я слегка обозлился и перешел на «ты». – Когда хочу – тогда и завтракаю.

– Пожалуй, верно. Хорошо, перезвоню, – сказала она. Прозвучало невыразительно и сухо. Удивительно, как легкая смена настроения влияет на оттенки человеческого голоса.

– Минуточку, – сказал я, не дав ей положить трубку. – Если ты что-нибудь продаешь, то сюда звонить бесполезно. Я сижу без работы, и мне не до покупок.

– Не беспокойся. Я знаю.

– Знаешь? Что ты знаешь?

– Что ты без работы. Мне это известно. Беги скорее, доваривай свои драгоценные спагетти.

– Послушай! Ты вообще... – Связь оборвалась на полуслове – как-то слишком резко.

Я обалдело смотрел на зажатую в руке трубку, пока не вспомнил про спагетти. Вернувшись на кухню, выключил газ и вывалил содержимое кастрюли в дуршлаг. Из-за этого звонка спагетти немного разварились, но это не смертельно. Я стал есть – и думать.

Понять друг друга? – повторял я, поглощая спагетти. Понять чувства друг друга за десять минут? О чем она? Может, просто кто-то решил пошутить? Или какой-нибудь новый трюк торговых агентов? В любом случае это не ко мне.

Вернувшись в гостиную, я устроился на диване с библиотечной книжкой, время от времени поглядывая на телефон. Что мы должны были понять друг о друге за десять минут? Что вообще два человека могут узнать друг о друге за десять минут? Подумать только: женщина, похоже, была чертовски

уверена в этих десяти минутах – ведь это первым слетело у нее с языка. Будто девять минут – слишком мало, а одиннадцать – уже чересчур. Какая точность! Похоже на спагетти.

Читать расхотелось, и я решил погладить рубашки. Я всегда этим занимаюсь, когда в голове каша. Старая привычка. Операцию эту я строго разбиваю на двенадцать этапов – начинаю с внутренней стороны воротничка (№ 1) и заканчиваю манжетой на левом рукаве (№ 12). Порядок всегда один и тот же, и за глажкой я веду отсчет операций. Иначе толку не будет.

Выгладив три штуки, я проверил, не осталось ли складок, и развесил рубашки. Едва я выключил утюг и убрал его в шкаф вместе с гладильной доской, в голове прояснилось.

Только я зашел на кухню выпить воды, как опять зазвонил телефон. Чуть помедлив, я все-таки решил поднять трубку. Если это та же самая женщина, скажу, что глажу, и на этом конец.

Но это была Кумико. Часы показывали полдвенадцатого.

– Как дела? – спросила она.

– Прекрасно.

– Чем занимаешься?

– Вот гладить закончил.

– Что-нибудь не так? – В ее голосе слышалось чуть заметное напряжение: она знала, в каком состоянии я обычно принимаюсь гладить.

– Да нет. Просто выгладил несколько рубашек. – Я уселся на стул и переложил трубку в другую руку. – Чего звонишь?

– Ты стихи умеешь писать?

– Стихи? – удивился я и подумал: стихи? Какие еще стихи?

– У меня знакомая в одном журнале... Это журнал для девушек. Им нужен

человек – отбирать и править стихи, которые присылают в редакцию читательницы. Еще он должен каждый месяц писать короткое стихотворение на титул. За такую ерунду неплохо платят. И занят, конечно, не весь день. Могут подбрасывать еще что-нибудь на редактуру, если...

– Ерунда? – перебил ее я. – Погоди-ка. Мне нужно что-нибудь юридическое. С чего ты взяла, что я умею править стихи?

– Я думала, ты что-то писал, когда учился в школе.

– Писал, конечно. В стенгазету – какой класс выиграл в футбол или как физик свалился с лестницы и попал в больницу. В общем, всякую фигню. Но не стихи. Я не умею писать стихи.

– Но я ведь не о настоящих стихах говорю. Какие-нибудь бредни для школьников. Никто не требует, чтоб они вошли в литературу. Ты их сможешь сочинять с закрытыми глазами. Понятно?

– Послушай! Я просто не умею писать стихи – ни с открытыми глазами, ни с закрытыми. Никогда этим не занимался и не собираюсь, – отрезал я.

– Ладно, – вздохнула жена. – Но ведь по юридической части работу найти трудно.

– Знаю. Потому я и раскинул щупальца во все стороны. Скоро кто-нибудь должен ответить. Если не получится, снова буду соображать.

– Ну, как знаешь. Кстати, какой сегодня день?

Я задумался.

– Вторник?

– Тогда, может, сходишь в банк – заплатишь за газ и телефон?

– Схожу. Все равно идти надо. Собирался купить что-нибудь к ужину.

– Что хочешь готовить?

– Еще не знаю. В магазине что-нибудь придумаю.

– Ты подумай хорошенько, – сказала она серьезно. – Нечего так уж торопиться с работой.

Таких слов я никак не ожидал.

– Это почему? – Что сегодня за день такой? Все женщины мира взялись удивлять меня по телефону? – Страховка по безработице рано или поздно кончится. Не могу же я всю жизнь сидеть без дела.

– Правильно, но мне же повысили зарплату плюс разные подработки, сбережения... Вполне проживем, если не будем транжирить. Тебе надоело сидеть дома и заниматься хозяйством? Тебе не нравится?

– Не знаю, – честно ответил я. Я на самом деле не знал.

– Тогда сядь и как следует подумай, – сказала жена. – Кстати, кот вернулся?

Кот. Я совсем забыл про кота.

– Нет. Пока.

– Может, поищешь? Его уже неделю как нет.

Я уклончиво промычал и снова переложил трубку в другую руку.

– Почти наверняка шляется где-нибудь у пустого дома в конце дорожки. Там, где во дворе птица стоит. Я его там несколько раз видала.

– На дорожке? Когда это ты туда ходила? Раньше ты не говорила...

– Ой-ой! Надо бежать. Много работы. Не забудь про кота.

Раздались короткие гудки. Я снова посмотрел на трубку и положил ее на рычаг.

Интересно, зачем Кумико туда понесло? Наш дом от дорожки отгораживала стена из бетонных блоков. Лазить через нее не было никакого смысла.

Я сходил на кухню за водой, вышел на веранду – посмотреть, осталась ли в кошачьей миске еда. Кучка сардин лежала нетронутой с прошлого вечера. Кот не приходил. Я стоял на веранде и глядел на наш маленький сад в

лучах раннего лета. Садик не из тех, что успокаивают душу. Солнце задерживалось там совсем ненадолго, поэтому земля всегда была черной и влажной. Из растений в углу водились лишь два-три кустика блеклых гортензий, а я не очень люблю эти цветы. По соседству торчало несколько деревьев, и оттуда раздавался механический крик какой-то птицы, напоминавший скрежет заводимой пружины. Бог знает, что это была за птица и как она выглядела, но Кумико прозвала ее Заводной Птицей. Каждый день Заводная Птица прилетала сюда и заводила пружину нашего тихого мирка.

Нужно было идти искать кота. Я всегда любил этих животных – и нашего кота тоже. Но коты живут своей, кошачьей жизнью и притом весьма неглупы. Если кот пропал, значит, решил куда-то наведаться. Устанет, есть захочет и вернется домой. И все же надо пойти поискать его, чтобы Кумико была довольна. Все равно заняться больше нечем.

* * *

В начале апреля я ушел из юридической фирмы, где проработал довольно долго. Без особых причин – просто взял и ушел. Нельзя сказать, что работа мне не нравилась. Так, ничего особенного, но платили хорошо, и коллектив нормальный.

По правде сказать, в конторе я исполнял роль профессионального мальчика на побегушках. Получалось, по-моему, здорово. Надо сказать, у меня настоящий талант для выполнения практических обязанностей. Я схватываю все на лету, действую энергично, никогда не жалуясь. Кроме того, я – реалист. Вот почему, когда я объявил, что хочу уйти, старший компаньон (это было адвокатское бюро типа «Отец и Сын», и он им управлял) даже предложил мне небольшую прибавку к жалованью.

Но я все-таки уволился – и не потому, что у меня были какие-то особые надежды или планы. Меньше всего мне хотелось, к примеру, снова запереться дома и готовиться к экзамену в коллегия адвокатов. Но оставаться в конторе и продолжать заниматься тем, чем занимался, я тоже не хотел. Если увольняться, то сейчас, решил я. Останься я на месте, это было бы на всю жизнь. В конце концов, мне уже тридцать.

За ужином я сказал Кумико, что собираюсь уйти с работы.

– Ясно, – только и ответила она и на какое-то время замолчала, хотя ясно совсем ничего не было.

Я тоже помалкивал, пока Кумико не добавила:

– Если ты решил уволиться, значит, так и надо. Это твоя жизнь, и можешь поступать так, как тебе хочется. – Сказав это, она стала выбирать палочками кости из рыбы и складывать их на край тарелки.

Жена прилично зарабатывала в журнале о здоровом питании, где была редактором. Кроме того, друзья из других журналов время от времени

подбрасывали ей заказы по оформлению – тоже совсем не лишний доход. (В колледже она занималась дизайном и мечтала стать свободным художником-иллюстратором.) Вдобавок, уйдя я из фирмы, у меня тоже какое-то время оставались бы деньги из страховки по безработице. То есть, даже если бы я сидел дома на хозяйстве, нам все равно хватило бы на еду, химчистку и другие траты, и наша жизнь мало бы изменилась.

Так я бросил работу.

* * *

Я загружал в холодильник купленные продукты, когда раздался звонок. На этот раз аппарат трезвонил нетерпеливо и раздраженно. Я как раз открывал пластиковую упаковку тофу [1]. Положил ее на стол, зашел в гостиную и снял трубку.

– Ну как? Доел спагетти? – сказала женщина.

– Доел. Но сейчас мне надо идти искать кота.

– Десять минут подождет, я уверена. Это не спагетти варить.

Я почему-то не мог прервать разговор – что-то в голосе женщины меня притягивало.

– Ну, хорошо. Но только десять минут.

– Теперь мы сможем понять друг друга, – тихо произнесла она. Я почувствовал, как она удобнее устроилась на стуле и положила ногу на ногу.

– Интересно, – сказал я, – почему именно десять минут?

– Десять минут... это может оказаться дольше, чем ты думаешь.

– Ты уверена, что мы знакомы?

– Конечно. Мы много раз встречались.

– Когда? Где?

– Неважно. Если в это углубляться, десяти минут не хватит. Важно время, в котором мы сейчас. Настоящее. Ты не согласен?

– Может, и так. Но я хотел бы убедиться, что ты меня знаешь.

– Какие доказательства тебе нужны?

– Например, сколько мне лет?

– Тридцать, – сразу отозвалась она. – Тридцать лет и два месяца. Хватит?

Поразительно – она действительно меня знает, но я совершенно не помню ее голоса.

– Теперь твоя очередь, – произнесла она вкрадчиво. – Попробуй вообразить меня. По голосу. Представь, какая я. Сколько мне лет. Где я сейчас. Как одета. Ну, давай?

– Понятия не имею.

– Давай же. Напрягись.

Я взглянул на часы. Прошла только минута и пять секунд.

– Абсолютно не представляю, – снова сказал я.

– Давай, я тебе помогу. Я – в постели. Только что из душа, и на мне ничего нет.

Блеск! Секс по телефону.

– Или ты предпочитаешь, чтобы я что-нибудь надела? Кружева? Или чулки? На тебя это подействует?

– Да какая мне разница? Делай что хочешь. Можешь надеть что-нибудь, а хочешь – валяй голышом. Извини, но такие телефонные игры меня не интересуют. У меня масса дел и...

– Десять минут. Ты же не умрешь, если потратишь на меня десять минут? Только ответь на мой вопрос: ты хочешь, чтобы я была голая, или мне что-нибудь надеть? У меня много разных вещей. Черное кружевное белье...

– Давай голышом. Согласен. – Прошло четыре минуты.

– Волосы у меня на лобке еще мокрые, – продолжала она. – Я еще не обсохла как следует. О-о! Как у меня там влажно! Тепло и очень влажно.

Волоски такие мягкие. Черные и изумительно мягкие. Хочешь погладить?

– Послушай, ты, конечно, извини, но...

– И ниже. Еще ниже. Там тоже тепло – совсем как подогретый крем. Очень тепло. М-м-м. В какой я сейчас позе, как ты думаешь? Правое колено приподнято, левая нога в сторону. Как стрелки часов, когда показывают десять ноль пять.

По ее голосу я понимал, что она не притворится. Она действительно раскинула ноги на 10.05; ее влагалище было мягким и сочным.

– Потрогай губки. М-е-едленно. А теперь раскрой их. Вот так. М-е-едленно, м-е-едлен-н-но. Пусть твои пальцы ласкают их. Вот так! О-о-очень медленно. А теперь коснись другой рукой моей левой груди. Поиграй с ней. Поласкай. Веди руку выше. Сожми легонько сосок. Еще раз. Еще. И еще. Я сейчас кончу.

Ни слова не говоря, я положил трубку. Вытянувшись на диване, уставился на часы и глубоко вздохнул. Разговор занял минут пять-шесть.

Через десять минут телефон зазвонил снова, но я не притронулся к трубке. Прозвонив пятнадцать раз, аппарат смолк, и в комнате наступила глубокая, холодная тишина.

* * *

Без чего-то два я перелез через стену в нашем дворе и оказался на дорожке. Мы так называли ее, хотя это не была дорожка в прямом смысле. Наверное, нет слова, которым можно обозначить, что это такое. К дорогам оно точно не имеет отношения: у дороги есть начало и конец, она приведет вас куда надо, если вы по ней пойдете. А у нашей дорожки не было ни начала, ни конца, ни входа, ни выхода. С обеих сторон она заканчивалась тупиками. Но даже тупиком ее нельзя было назвать: у тупика имеется хотя бы вход. Соседи для удобства называли ее просто дорожкой. Длинною метров в триста, она разделяла задние дворы стоявших вдоль нее домов. Шириной около метра, а в нескольких местах вообще завалена хламом и перегорожена заборами.

Мой дядя, почти задаром сдавший нам этот дом, рассказывал, что когда-то дорожка имела два конца и служила переулком, соединявшим улицы. Но в годы экономического бума на свободных участках выросли новые дома и стиснули этот проход так, что он превратился в неширокую дорожку. Людям не нравилось, что посторонние ходят прямо у них под окнами или на заднем дворе, поэтому один конец скоро заблокировали или, скорее, перегородили скромным заборчиком. А через какое-то время некий житель решил расширить свой сад и наглухо запечатал этот конец стеной из блоков. Как будто в ответ, на другом конце вырос барьер из колючей проволоки, через который не могли пробраться даже собаки. Соседи не жаловались – уже никто не пользовался этим проходом, и они радовались, что появилась дополнительная защита от злоумышленников. В конце концов, проходом, напоминавшим заброшенный канал, перестали пользоваться, и он превратился в ничейную полосу между двумя рядами домов. В разросшихся сорняках свою клейкую паутину развесили пауки.

И что это вдруг жена туда зачастила? Я сам наведывался на эту дорожку от силы раза два, да и Кумико пауков боялась. Но какого черта? Если она сказала, что надо поискать кота на дорожке, значит, надо идти. В любом случае гораздо лучше прогуляться, чем сидеть дома и ждать, когда зазвонит телефон.

Яркое солнце первых дней лета испещрило дорожку темными пятнами теней от распростертых над головой ветвей, замерших в полном безветрии. Казалось, теням суждено навеки впечататься в дорожку. Сюда не проникал ни один звук. Чудилось, что я слышу, как под лучами солнца дышат травинки. По небу дрейфовала кучка мелких облаков. Их четкие и аккуратные контуры напоминали облака со средневековых гравюр. Мир вокруг воспринимался с такой пугающей ясностью, что мое собственное тело казалось зыбким, безграничным, текучим. И очень горячим.

На мне была футболка, тонкие брюки и теннисные тапочки, но я чувствовал, как на солнце под мышками и на груди выступил пот. Как раз в то утро я достал футболку и брюки из коробки с летними вещами, поэтому в нос еще бил резкий запах нафталина.

Соседские дома четко делились на две категории: более старые и построенные не так давно. Новые, как правило, были меньше, их участки – скромнее. Концы длинных палок, на которых сушилось белье, торчали поперек дорожки, и временами мне приходилось прокладывать себе дорогу через завесы полотенец, рубашек и простыней. Откуда-то отчетливо слышались звуки телевизора, где-то спускали в туалете воду, пахло карри.

Старые дома, напротив, почти не подавали признаков жизни. От дорожки их отделяли живые изгороди из ухоженных кустарников, словно ставни, сквозь которые виднелись причесанные сады. В углу одного сада стояла бурая и высохшая новогодняя елка. Другой участок превратили в свалку всех мыслимых игрушек: похоже, их оставили несколько поколений детей. Там валялись трехколесные велосипеды и накидные кольца, пластмассовые мечи и резиновые мячики, куклы-черепашки и маленькие бейсбольные биты. В третьем саду висело баскетбольное кольцо, в четвертом на газоне стояли замечательные дачные стулья и керамический столик. Стулья, первоначально белого цвета, были покрыты таким слоем грязи, будто ими не пользовались несколько месяцев, а может быть, и лет. К столу прилипли лиловые лепестки магнолии.

Сквозь одну стеклянную дверь в алюминиевой раме хорошо просматривалась обстановка комнаты. Кожаный диван и кресла, большой телевизор, буфет (на котором расположились аквариум с тропическими рыбками и два каких-то кубка) и торшер. Комната выглядела декорацией к телеспектаклю. Еще в одном саду стояла огромная собачья конура с

дверцей настежь – собаки в ней не было. Металлическая сетка на дверце вздулась, будто обитатель конуры несколько месяцев наваливался на нее изнутри всем телом.

Пустой дом, о котором говорила Кумико, стоял как раз за участком с конурой. Что там никто не живет – причем уже довольно давно, – было видно сразу. Сравнительно новое двухэтажное здание, однако закрытые деревянные ставни сильно обветшали, а металлические наличники окон второго этажа покрылись ржавчиной. В аккуратном садике действительно стояла каменная статуя птицы. Она возвышалась на величественном постаменте, окруженная буйными сорняками. Длинные ветки золотарника [2] почти касались ее ног. Птица – я понятия не имел, к какому виду пернатых она относилась, – расправила крылья, будто хотела поскорее вырваться из этого малоприятного местечка. Кроме статуи, никаких украшений в саду не было. У стены дома один на другом громоздились несколько выдавших виды пластмассовых стульев. Рядом неестественно яркими красными цветами распустился куст азалии. Все остальное пространство в этой картине занимали сорняки.

Я оперся о сетку забора, доходившего мне до груди, и некоторое время рассматривал сад. Райское, наверное, место для кошек, но их тут что-то не видно. Сцену оживляло только монотонное воркование одинокого голубя, сидевшего на телевизионной антенне. Тень от каменной птицы, разломившись пополам, лежала на зелени вокруг статуи.

Я достал из кармана лимонную карамельку и, развернув, бросил ее в рот. Уволившись, я бросил курить и вот теперь вместо сигарет не расставался с пачкой лимонных карамелек. Жена предупреждала, что я могу испортить себе зубы, но обойтись без карамелек я не мог. Пока я разглядывал сад, голубь на антенне ворковал без остановки – он походил на клерка, штампующего номера на стопке счетов. Не знаю, сколько я простоял там, но помню, что выплюнул карамельку на землю, почувствовав, как она, наполовину растворившись, наполнила рот липкой сладостью. Затем опять перевел взгляд на тень каменной птицы – и только теперь сообразил, что кто-то меня зовет.

Я обернулся и в саду напротив увидел девчонку. Маленького роста, волосы собраны в конский хвост. На ней были темные очки в янтарного цвета оправе и светло-голубая майка без рукавов. Хотя сезон дождей еще не

кончился, на тонких руках девчонки лежал приятный мягкий загар. Одну руку она засунула в карман шорт, а другой опиралась на бамбуковую калитку, которая была ей по пояс. Между нами было не больше метра.

– Жарко, – сказала девчонка.

– Да, жарковато, – отозвался я.

Краткий обмен мнениями состоялся, а она все стояла и смотрела на меня. Затем достала из кармана пачку «Хоупа», вынула сигарету и зажала ее во рту. Верхняя губка у нее была чуть приподнята. Девчонка привычно чиркнула спичкой, закурила и наклонила голову. Из-под волос показалось гладкое ухо великолепной формы – словно только что вылепленное. По его тонким краям серебрился нежный пушок.

Она бросила спичку на землю и, вытянув губы, выдохнула дым. Затем повернулась так, словно вспомнила о моем присутствии. За темными зеркальными стеклами ее глаз не было видно.

– Вы где-то здесь живете? – спросила она.

– Угу. – Я собирался поворачивать домой, но, пробираясь сюда, совершил столько маневров, что перестал ориентироваться. Придется выбираться наугад. – Ищу нашего кота, – сказал я, будто оправдываясь, и вытер о брюки влажную от пота ладонь. – Уже неделю как пропал. Его где-то здесь видели.

– Какой он из себя?

– Здоровый такой. С коричневыми полосками. Кончик хвоста немного загнут.

– Как зовут?

– Нобору. Нобору Ватая.

– Ничего себе имечко!

– Вообще-то так зовут моего свояка. Кот на него чем-то похож. Вот мы и называли его так, смеху ради.

– Чем же кот на него похож?

– Да не знаю. Так, в общем. Походкой. И глаза такие же шкодливые.

Девчонка впервые улыбнулась и от этого стала еще больше походить на ребенка, чем показалось мне сначала. Ей лет пятнадцать-шестнадцать, не больше. Верхняя губа как-то необычно приподнялась в легкой усмешке. Показалось, будто я слышу голос: «Потрогай меня», – голос женщины в телефоне. Тыльной стороной ладони я вытер со лба пот.

– Кот с коричневыми полосками и загнутым кончиком хвоста, – повторила девчонка, как бы стараясь запомнить. – Ага! У него есть какой-нибудь ошейник?

– Черный ошейник от блох.

Она подумала секунд десять – пятнадцать. Ее рука все еще опиралась на калитку. Потом бросила окурок и придавила его сандалией.

– Кажется, я видела похожего. Не знаю, как насчет загнутого хвоста, но это был здоровый котик тигрового окраса и, по-моему, с ошейником.

– Когда ты его видела?

– Когда? Хм-м. Дня три-четыре назад. Наш сад – как настоящий проходной двор для всех соседских котов и кошек. Они здесь шастают от Такитани к Мияваки.

И она показала рукой на пустой дом, где каменная птица по-прежнему простирала крылья, высокий куст золотарника притягивал к себе летнее солнце, а голубь не переставал ворковать со своей антенны.

– У меня идея, – сказала девчонка. – Почему бы вам не подождать у нас в саду? Все кошки рано или поздно пролезают здесь по пути к Мияваки. А то кто-нибудь надумает в полицию настучать, если увидит, как вы тут бродите. Такое уже случалось.

Я не знал, что и ответить.

– Да вы не беспокойтесь. Я тут одна. Посидим на солнышке, подождем,

пока не покажется ваш кот. Я вам помогу. У меня зрение – единица.

Я взглянул на часы. 14.36. Всех дел на сегодня до темноты у меня было выстирать белье да приготовить ужин.

Я вошел в калитку и двинулся следом за девчонкой через лужайку. Она слегка приволакивала правую ногу. Пройдя несколько шагов, остановилась и повернулась ко мне.

– Я свалилась с мотоцикла. С заднего сиденья, – сказала она как бы между прочим. – Не так давно.

На краю лужайки рос большой дуб. Под ним – два брезентовых шезлонга, на одном разложено голубое пляжное полотенце. На другом лежали нераспечатанная пачка «Хоупа», пепельница с зажигалкой, какой-то журнал и большая магнитола, которая тихонько мурлыкала хард-рок. Девчонка выключила музыку и освободила мне место, переложив все на траву. С шезлонга виднелся пустой дом по другую сторону дорожки – каменная птица, золотарник, металлическая сетка забора. Наверное, девчонка наблюдала за мной все время, что я там простоял.

Участок оказался немаленьким. Здесь имелась просторная пологая лужайка с раскиданными по ней деревьями. Слева от шезлонгов находился большой пруд за низким бетонным бордюром: он подставил солнцу пересохшее дно. Судя по зеленоватому налету, в пруд уже давно не наливали воду. За деревьями стоял старый дом в европейском стиле, довольно миниатюрный. С точки зрения архитектуры – ничего особенного. Внушительно выглядел только ухоженный сад.

– Большой участок, – сказал я, оглядываясь. – Должно быть, следить за ним – мучение.

– Наверное.

– Когда-то мне приходилось подрабатывать стрижкой газонов.

– Правда? – Было ясно, что до газонов ей нет никакого дела.

– Ты все время здесь одна? – спросил я.

– Да. Днем всегда одна. Только утром и вечером заходит женщина, которая делает уборку. Все остальное время больше никого. Выпьете чего-нибудь холодного? У нас есть пиво.

– Да нет, спасибо.

– Не стесняйтесь.

Я покачал головой.

– А в школу что – не ходишь?

– А вы что – на работу не ходите?

– Я не работаю.

– Что, безработный?

– Типа того. Уволился несколько недель назад.

– А кем работали?

– В адвокатской конторе, по разным делам. Ездил по учреждениям за документами, наводил порядок в бумагах, проверял судебные прецеденты, занимался судопроизводством... в таком роде.

– И уволились?

– Ага.

– А жена ваша работает?

– Работает.

Голубь напротив закончил ворковать и, похоже, куда-то провалился. Я вдруг заметил, что вокруг повисла мертвая тишина.

– Вон там как раз и есть кошачий проход, – сказала девчонка, ткнув пальцем в дальний край лужайки. – Видите мусоросжигатель во дворе у Такитани? Там они вылезают, переходят по газону, ныряют под калитку и перебегают в сад на той стороне. Маршрут все время один и тот же.

Она сдвинула очки на лоб, прищурившись посмотрела вокруг, водрузила их на место и выпустила изо рта облачко дыма. За это время я успел заметить у ее левого глаза ссадину сантиметра в два – рана глубокая, из тех, что оставляют шрам на всю жизнь. Черные очки, видно, должны были ее прикрывать. Лицо девчонки особой красотой не отличалось, но что-то в нем привлекало: может быть, живые глаза или необычной формы губы.

– Вы слышали про Мияваки? – спросила она.

– Нет, а что?

– Они жили в том доме. Очень приличные люди. Две дочери, обе ходили в крутую частную школу. У Мияваки было несколько семейных ресторанов.

– А что ж уехали?

Девчонка поджала губы, словно хотела сказать: а я почему знаю?

– Может, в долгах запутался. В одну ночь исчезли – будто сбежали. Наверно, год тому назад. Теперь все зарастает сорняками, кошки вот развелись. Мать все время жалуется.

– Неужели так много кошек?

Не выпуская изо рта сигарету, девчонка посмотрела на небо.

– Причем всех видов. Некоторые линяют, попадаются одноглазые... вместо глаза какой-то комок мяса. Бр-р-р!

Я кивнул.

– У меня есть родственница – у нее на каждой руке по шесть пальцев. Чуть постарше меня. Рядом с мизинцем – еще один палец, маленький, как у младенца. Она так научилась его подгибать, что большинство людей ничего не замечают. А вообще она очень хорошенькая.

Я снова кивнул.

– Это что-то наследственное, да? Как это называется... передается с генами.

Я сказал, что не очень разбираюсь в генетике.

Девчонка помолчала. Я сосал карамельку и таращился на кошачью тропу. Никто не появлялся.

– Вы в самом деле не хотите пить? – спросила она. – Пойду принесу колы.

– Мне ничего не надо, – ответил я.

Она встала с шезлонга и исчезла в тени деревьев, чуть волоча поврежденную ногу. Я поднял с травы ее журнал и полистал его. Совсем не ожидал, что он окажется журналом для мужчин, таким... ежемесячным. На развороте красовалась женщина в тонких трусиках, через которые просвечивали все ее прелести: восседала верхом на стуле в нелепой позе, широко расставив ноги. Я положил журнал на место, сложил руки на груди и снова сосредоточился на кошачьей тропе.

Прошло немало времени, прежде чем девушка вернулась со стаканом колы в руках. Послеполуденная жара донимала. Долго просидев на солнце, я чувствовал, как заплывают мозги. Меньше всего мне хотелось думать.

– Скажите, – сказала она, возвращаясь к прежней теме, – если бы вам нравилась девушка, а у нее оказалось шесть пальцев, что бы вы сделали?

– Продал бы ее в цирк, – ответил я.

– Что, серьезно?

– Нет, конечно, – сказал я. – Шучу. Думаю, меня бы это не очень волновало.

– Даже если бы это могло передаваться вашим детям?

Я немного подумал.

– Нет, для меня это, правда, не важно. Что плохого в лишнем пальце?

– А если бы у нее было четыре груди?

Я снова задумался.

– Не знаю.

Четыре груди? Этот разговор может продолжаться до бесконечности. Я решил сменить тему.

– Сколько тебе лет?

– Шестнадцать, – ответила она. – Только что исполнилось. Перешла в повышенную школу [3].

– Давно на занятия не ходишь?

– Нога еще болит, если много ходить. Потом эта ссадина у глаза. В школе все уже достали. Если узнают, что я грохнулась с мотоцикла, начнут болтать: то да се. Поэтому считается, что я «отсутствую по болезни». Можно год пропустить, ничего страшного. В следующий класс я не тороплюсь.

– Понятно.

– Ну, так что? Вы вот говорили, что женились бы на девушке с шестью пальцами, но четыре груди вам не подходит...

– Я не говорил, что не подходит. Я сказал: не знаю.

– Чего не знаете?

– Не знаю... мне трудно такое представить.

– А с шестью пальцами можете представить?

– Конечно. Думаю, да.

– Какая разница? Шесть пальцев или четыре груди?

Я подумал еще немного, но вразумительного ответа не нашел.

– Я задаю слишком много вопросов?

– А что, тебе такое говорят?

– Случается.

Я снова стал смотреть на кошачью тропу. Какого черта я здесь делаю? За все время не показалось ни одной кошки. Не отнимая от груди рук, я на полминуты закрыл глаза. Я истекал потом. Все тело обливали солнечные лучи, наполненные необыкновенной тяжестью. Кусочки льда в стакане девчонки при каждом ее движении позвякивали, как колокольчик на шее коровы.

– Можете поспать, если хотите, – прошептала она. – Как только кот появится, я вас разбужу.

Не открывая глаз, я кивнул.

Воздух был неподвижен, вокруг стояла полная тишина. Голубь уже улетел куда-то за тридевять земель. Я раздумывал о женщине, что позвонила мне. Неужели мы знакомы? Ее голос и манера говорить даже отдаленно никого не напоминают. Но меня она точно знает. Мне казалось, что я вижу перед собой сцену, написанную де Кирико: длинная тень женской фигуры тянется ко мне через пустую улицу, а сама женщина задвинута далеко за пределы моего сознания. У моего уха, не смолкая, тренькал колокольчик.

– Вы спите? – спросила девчонка; ее голос звучал еле-еле: я даже не был уверен, действительно ли слышу его.

– Нет, не сплю, – ответил я.

– Можно мне поближе? Мне... легче говорить тихо.

– Не возражаю, – сказал я, по-прежнему не открывая глаз.

Она двигала свой шезлонг, пока тот сухо и деревянно не стукнулся о мой.

Странно, но голос девушки звучал по-разному – в зависимости от того, открыты у меня глаза или закрыты.

– Можно говорить? Совсем тихонько, и вам не надо ничего отвечать. Можете даже спать.

– Ладно.

– Здорово, когда люди умирают.

Губы девчонки были теперь совсем рядом с моим ухом, и ее слова проникали в меня вместе с теплым влажным дыханием.

– Почему? – спросил я.

Она прикоснулась пальцем к моим губам, будто хотела запечатать их.

– Никаких вопросов, – сказала она. – И не открывайте глаза. Хорошо?

Мой кивок был таким же слабым, как ее голос. Она убрала палец и дотронулась до моего запястья.

– Был бы у меня скальпель. Я резанула бы здесь, чтобы заглянуть внутрь. Там... не мертвая плоть. Там что-то похожее на саму смерть. Что-то темное и мягкое, как мячик для софтбола, – из омертвевших нервов. Хочется достать его из мертвого тела, разрезать и посмотреть, что внутри. Я все время думаю, на что это похоже. Может, оно все твердое, как засохшая зубная паста в тюбике. Как вы думаете? Только не отвечайте. Снаружи мягкое, дряблое, но чем глубже, тем тверже становится. Я вскрою кожу и вытащу эту дряблую штуковину, скальпелем и какой-нибудь лопаточкой полезу внутрь – чем дальше, тем больше твердеет эта слизь, – пока не доберусь до крошечной сердцевины. Она такая крошечная, как малюсенький шарик от подшипника, и очень твердая. Вам так не кажется?

Она кашлянула.

– В последнее время я только об этом и думаю. Потому, наверное, что у меня каждый день столько свободного времени. Когда нечего делать, мысли убегают далеко-далеко – так далеко, что не уследишь.

Девушка убрала палец с моего запястья и допила колу. Льдышки звякнули на дне стакана.

– За кота не переживайте – я скажу, если Нобору Ватая покажется. Не открывайте глаза. Сейчас он, конечно, бродит где-то тут. Может появиться в любую минуту. Нобору Ватая приближается. Я знаю: он идет – пробирается в траве, пролезает под калиткой, останавливается понюхать цветочки. Он все ближе и ближе, шаг за шагом. Представьте себе его.

Я попробовал вообразить кота, но у меня получалось лишь очень

расплывчатое темное изображение, как на контурной фотографии. Проникая сквозь веки, солнечный свет расшатывал и рассеивал тьму внутри меня, и нарисовать в уме четкий образ кота было невозможно. Вместо этого выходил неудачный портрет, искаженная неестественная картина: некоторые черты имели сходство с оригиналом, но самого главного не хватало. Я даже не мог припомнить, как он ходит.

Девчонка вновь коснулась моего запястья, рисуя на нем кончиком пальца непонятный знак. Будто отозвавшись на него, в мое сознание стала пробираться какая-то другая темнота – она отличалась от той, что я ощущал прежде. Вероятно, я засыпал. Не хотел, но все происходило вопреки моей воле. Тело казалось мертвым – чужим трупом, утопающим в брезентовом покрытии шезлонга.

В этой темноте я увидел только четыре лапы Нобору Ватая, четыре бесшумные коричневые лапы на мягких, словно резиновых, подушечках, и они беззвучно прокладывали где-то дорогу.

Но где?

«Всего десять минут», – говорила та женщина по телефону. Нет, она была неправа. Иногда десять минут – это не десять минут. Они могут растягиваться и сжиматься. Это я знал точно.

* * *

Когда я проснулся, вокруг никого не было. Девчонка испарилась, ее шезлонг по-прежнему стоял впритык к моему. Полотенце, сигареты и журнал лежали на месте, но стакан и магнитола исчезли.

Солнце понемногу клонилось к западу, тень одной ветви дуба забралась мне на колени. Часы показывали четверть пятого. Я выпрямился и огляделся. Просторная лужайка, высохший пруд, забор, каменная птица, кусты золотарника, телевизионная антенна. И никаких следов кота. Или девчонки.

Не вставая с шезлонга, я взглянул на кошачью тропу и стал ждать, когда она вернется. Прошло десять минут, но ни кот, ни она не появились. Ничто вокруг не шевелилось. Такое чувство, будто я страшно состарился, пока спал.

Поднявшись, я посмотрел на дом: он тоже не подавал признаков жизни. Ослепительный блеск заходящего солнца отражался в стеклах. Мне надоело ждать, я пересек лужайку и, выйдя на дорожку, направился домой. Кота я не нашел, но старался изо всех сил.

* * *

Вернувшись домой, я постирал белье и приготовил все для простого ужина. В половине шестого задребезжал телефон, выдал двенадцать звонков, но я не подошел. Даже после того, как он смолк, звон висел в сгущавшемся мраке, будто застывшая в воздухе пыль. Твердые зубчики шестеренок постукивали в прозрачном корпусе настольных часов, зависших в пространстве.

А что, если написать стихотворение про Заводную Птицу? – осенило меня, но первые строки никак не приходили в голову. Да и понравятся ли такие стихи школьницам? Вот в чем вопрос.

* * *

Кумико вернулась домой в полвосьмого. Последний месяц она приходила все позже и позже – нередко возвращалась после восьми, а бывало – и после десяти. Теперь, когда я сидел дома и взял на себя кухонные хлопоты, ей уже не надо было торопиться. Она рассказывала, что у них в редакции не хватает людей, вдобавок недавно заболела одна из сотрудниц.

– Извини, – сказала Кумико, – столько работы, а от девочки, которую взяли на полставки, никакого толку.

Я направился на кухню и принялся готовить: жаренная в масле рыба, салат и суп мисо [4]. Жена, расслабившись, сидела за кухонным столом.

– Где ты был в полшестого? – спросила она. – Я звонила сказать, что немного задержусь.

– Масло кончилось. Ходил в магазин, – соврал я.

– А в банке был?

– Конечно.

– А кот?

– Не нашел. Ходил по дорожке к заброшенному дому, как ты сказала, но его там нет. Наверняка забрел куда-то подальше.

Кумико не ответила.

Когда после ужина я вышел из ванной, Кумико потерянно сидела в гостиной, не зажигая света. В серой блузке, в темноте, на корточках она напостила поставленный не на свое место чемодан.

Вытирая волосы полотенцем, я сел на диван напротив жены.

– Кот умер, я уверена, – проговорила она еле слышно.

– Да ну, глупости, – ответил я. – Я думаю, он где-то здорово развлекается. Есть захочет и вернется. Помнишь, один раз уже так было? Когда мы жили в Коэндзи [5]...

– Сейчас – другое дело, – промолвила она. – Сейчас все не так. Я знаю. Кот умер. И гниет где-нибудь в траве. Ты искал в траве у пустого дома?

– Нет. Дом, может быть, и пустой, но он ведь кому-то принадлежит. Я не могу просто так там лазить.

– Где же ты тогда искал? Могу поспорить, ты даже не пытался. Потому и не нашел.

Я вздохнул и снова стал вытирать волосы полотенцем. Хотел что-то сказать, но осекся: Кумико плакала. Ее можно понять, она любила кота. Он появился у нас вскоре после свадьбы. Я бросил полотенце в плетеную корзину в ванной и пошел в кухню за холодным пивом. Дурацкий выдался день. Дурацкий день дурацкого месяца дурацкого года.

Где же ты, Нобору Ватая? Неужели Заводная Птица забыла завести твою пружину?

Слова возникли в голове снова, как строчки стихов:

Где же ты,

Нобору Ватая?

Неужели Заводная Птица

Забыла завести твою пружину?

Когда от пива осталась половина, зазвонил телефон.

– Ты возьмешь? – крикнул я в темноту гостиной.

– Нет, – откликнулась Кумико. – Бери ты.

– Не хочется.

Телефон трезвонил, взбалтывая пыль, плывшую в темноте. Никто не говорил ни слова. Я пил пиво, а Кумико не переставала беззвучно плакать. Я насчитал двадцать звонков и сдался. Считать дальше не было никакого смысла.

2. Полнолуние и затмение солнца

О лошадях, умирающих в конюшнях

Способен ли один человек до конца понять другого?

Мы можем потратить массу времени и усилий, пытаюсь узнать другого человека, а как близко удастся нам в результате подобраться к его сущности? Мы убеждаем себя, что разбираемся в людях, но известно ли нам о них что-нибудь поистине важное?

Я принялся серьезно размышлять о таких вещах спустя неделю после того, как ушел из юридической фирмы. Никогда до этого – ни разу в жизни – я не ставил перед собой подобных вопросов. Интересно, почему? Вполне возможно, меня переполняло одно то, что я живу. Я просто-напросто был слишком занят, чтобы думать о самом себе.

Толчком для раздумий послужило одно малозначительное событие, но часто случается, что именно с пустяка начинаются самые важные в мире вещи. Однажды утром, после того как Кумико проглотила завтрак и отправилась на работу, я загрузил белье в стиральную машину, убрал постель, помыл посуду и пропылесосил пол. Потом уселся с котом на веранде и принялся изучать объявления о приеме на работу и распродажах. В полдень закусил и отправился в супермаркет, где купил продуктов на ужин и на распродаже запасся моющими средствами, бумажными салфетками и туалетной бумагой. Вернувшись домой, приготовился к ужину и улегся на диван с книжкой – дожидаться возвращения Кумико.

Безработным я стал недавно, и такая жизнь пока была в новинку. Больше не надо добираться до работы в переполненных электричках, встречаться с людьми, которых не хочется видеть. А лучше всего – я получил возможность в любое время читать все, что захочу. Я понятия не имел, сколько продлится моя привольная жизнь, но, по крайней мере, спустя неделю она мне продолжала нравиться, и я изо всех сил старался не думать о будущем. В моей жизни наступили большие каникулы. Когда-нибудь они кончатся, но до тех пор я был намерен ими наслаждаться.

Впрочем, в тот вечер мне не удалось получить от чтения полного удовольствия: Кумико задерживалась с работы. Обычно она возвращалась не позже половины седьмого и всегда предупреждала, если опаздывала даже на десять минут. Такая у нее натура – может быть, даже чересчур пунктуальная. Но тот день стал исключением. Минуту семь часов, а Кумико все не приходила и не звонила. Я заранее все подготовил, чтобы начать стряпать, как только она вернется. Пир устраивать не собирался: просто хотел обжарить вместе тонкие ломтики говядины, лук, зеленый перец и пророщенные бобы, добавить немного соли, перца, соевый соус и сбрызнуть это пивом. Этот рецепт я захватил из своей холостяцкой жизни. Рис был готов, мисо подогрет, овощи, как я это обычно делал, порезаны и разложены на большом блюде. Не хватало только Кумико. Я проголодался и подумывал, не приготовить ли и съесть свою порцию одному, но не мог решиться. Мне казалось, это будет несправедливо.

Я сидел за столом на кухне, потягивая пиво и грызя чуть отсыревшие содовые крекеры, завалявшиеся в кухонном шкафу. Маленькая стрелка часов приблизилась к половине восьмого – и медленно переползла за нее.

Кумико пришла после девяти. Выглядела измученной. Глаза покраснели и воспалились – плохой признак. Когда у жены красные глаза, всегда происходит что-то неприятное. «Ладно, – сказал я себе, – сохраняй спокойствие и не говори лишнего. Все должно быть тихо и естественно. Не надо возбуждаться».

– Извини, пожалуйста, – сказала Кумико. – С этой работой никак не получается. Я все хотела тебе позвонить, но так и не собралась.

– Да ерунда. Все нормально, не обращай внимания, – произнес я как можно более обыденно. Я и правда не собирался делать из этого случая трагедию.

Со мной самим так много раз бывало. Ходить на работу – занятие не из легких, не то что сорвать в саду самую красивую розу и доставить ее за два квартала от своего дома к постели схватившей насморк бабушки. Иногда приходится заниматься скучными вещами, иметь дело с неприятными людьми и просто нет возможности позвонить домой. Нужно всего полминуты, чтобы сказать: «Сегодня буду поздно». Кругом полно телефонов, но все равно не получается.

Я принялся готовить: включил газ, налил масла в сковороду. Кумико достала из холодильника пиво, взяла из буфета стакан. Оглядев провизию, села за стол, ни слова не говоря, и налила себе пива. Судя по выражению лица, напиток не доставлял ей удовольствия.

– Ел бы без меня, – вымолвила она.

– Не бери в голову. Я не так уж и проголодался.

Пока я жарил мясо и овощи, Кумико пошла в ванную. Я слышал, как она умывалась и чистила зубы. Чуть погодя она вышла, держа что-то в руках. Это была туалетная бумага и салфетки, которые я купил в супермаркете.

– Зачем ты это купил? – спросила она усталым голосом.

Не выпуская из рук сковороды, я посмотрел на жену. Перевел взгляд на коробку с салфетками и рулон туалетной бумаги. Я никак не мог понять, что она имеет в виду.

– Это просто салфетки и туалетная бумага. Нам все это нужно. Конечно, кое-какой запас еще есть, но они не сгниют, если полежат немного.

– Я ничего не имею против салфеток и туалетной бумаги. Но зачем тебе понадобилось покупать голубые салфетки и бумагу в цветочек?

– Не понял? – ответил я, стараясь сдержаться. – Я на самом деле купил голубые салфетки и бумагу в цветочек. На распродаже, по дешевке. Нос же у тебя не посинеет от голубых салфеток. Стоит ли об этом говорить?

– Стоит. Я терпеть не могу голубые салфетки и туалетную бумагу с рисунком. Ты разве не знал?

– Не знал, – сказал я. – А почему ты их терпеть не можешь?

– Откуда мне знать? Не могу – и все. Вот ты терпеть не можешь чехлы на телефон, термосы в цветочек, расклешенные джинсы с заклепками, а я люблю делать маникюр. Объяснить это невозможно. Просто дело вкуса.

На самом деле я мог бы объяснить причины всего, что она перечислила, но делать этого, конечно, не стал.

– Хорошо, – сказал я, – пусть это дело вкуса. Я все понял. Но неужели за шесть лет, что мы женаты, ты ни разу не покупала голубые салфетки и туалетную бумагу с рисунком?

– Никогда. Ни разу, – отрезала Кумико.

– В самом деле?

– Да, в самом деле. Если я покупаю салфетки, то только белые, желтые или розовые. И конечно, никогда не беру туалетную бумагу с каким-нибудь рисунком. Поражаюсь, как ты прожил со мной все это время и не знал этого.

Меня тоже поразило, что за шесть лет, оказывается, ни разу не пользовался голубыми салфетками или туалетной бумагой с рисунком.

– И уж если на то пошло, скажу еще, – продолжала Кумико. – Я ненавижу говядину, жаренную с зеленым перцем. Это ты знал?

– Нет, не знал.

– Терпеть не могу. И не надо спрашивать, почему. Просто не выношу запах, когда их вместе жарят на одной сковороде.

– Ты хочешь сказать, что за шесть лет ни разу не готовила говядину вместе с зеленым перцем?

Она покачала головой.

– Я могу есть зеленый перец в салате. А говядину жарю с луком. Но никогда не делаю мясо и перец вместе.

Я вздохнул.

– Тебе никогда не казалось это странным? – спросила она.

– Станным? Я просто никогда этого не замечал, – ответил я, задумавшись на мгновение: неужели за все время, что мы живем вместе, мне действительно ни разу не довелось поесть жареной говядины с зеленым перцем. Разумеется, припомнить этого не удалось.

– Ты живешь со мной, – продолжала Кумико, – но при этом почти не обращаешь на меня внимания. Ты думаешь только о себе.

– А вот теперь сделай паузу, – сказал я, выключив газ и поставив сковородку на плиту. – Давай не будем отходить от темы. Допустим, я без должного внимания отнесся к таким вещам, как салфетки и туалетная бумага или говядина и зеленый перец. Признаю. Но это не значит, что я не уделяю внимания тебе. Мне наплевать, какими салфетками я пользуюсь. Ладно, если бы на стол положили черные, я, может, и удивился бы. Но белые, голубые... для меня это не имеет никакого значения. То же самое – говядина и зеленый перец. Вместе, по отдельности – какое мне дело? Даже если бы сам процесс жарки говядины с зеленым перцем вообще исчез с лица земли, меня бы это нисколько не задело. Это не имеет никакого отношения к тебе, к твоей сущности. Разве я не прав?

Вместо ответа Кумико двумя большими глотками покончила с пивом и уставилась на пустую бутылку.

Я отправил содержимое сковороды в мусорное ведро. К черту говядину, зеленый перец, а заодно и лук с пророщенными бобами. Странно: только что была еда, а теперь – просто мусор. Я открыл пиво и стал пить прямо из бутылки.

– Зачем ты это? – спросила Кумико.

– Тебе ведь противно было.

– Сам бы съел.

– Мне вдруг расхотелось говядины с зеленым перцем.

Жена пожала плечами.

– Как хочешь.

Она положила руки на стол, опустила на них лицо и долго сидела в такой позе. Видно было, что она не плачет и не спит. Я взглянул на пустую сковороду на плите, взглянул на Кумико и залпом допил пиво. Сумасшедший дом! Стоило поднимать шум из-за салфеток, туалетной бумаги и зеленого перца?

Я подошел к жене и положил руку ей на плечо.

– Ну хорошо. Я все понял. Никогда больше не буду покупать голубые салфетки или туалетную бумагу в цветочек. Обещаю. Завтра я отнесу все обратно в супермаркет и обменяю. Если не поменяют, сожгу их во дворе. А пепел выброшу в море. И больше никакой говядины и зеленого перца. Никогда. Запах скоро улетучится, и нам больше никогда не надо будет об этом думать. О'кей?

Кумико по-прежнему молчала. Хорошо бы выйти прогуляться на часок, а потом вернуться и увидеть, что она повеселела, но я знал, что такого не случится. Ситуацию надо уладить самому.

– Послушай, ты устала, – сказал я. – Отдохни немного, и пойдем куда-нибудь съедим пиццу. Когда в последний раз мы ели пиццу? С анчоусами и луком. Закажем одну на двоих. Мы ведь можем себе позволить изредка сходить куда-нибудь перекусить.

Это тоже не помогло. Кумико по-прежнему сидела, вжавшись лицом в руки.

Я не знал, что еще сказать, сел напротив и стал смотреть на нее через стол. Из-под ее коротких черных волос выглядывало ухо. На нем была сережка, которую я никогда раньше не видел, – маленькая золотая рыбка. Где и когда она могла купить такую штуку? Хотелось курить. С тех пор как я бросил, не прошло и месяца. Я представил, как достаю из кармана пачку и зажигалку, беру сигарету с фильтром и закуриваю. Я набрал полные легкие воздуха и вдруг почувствовал сильный запах жареной говядины и овощей. Откровенно говоря, есть хотелось страшно.

Взгляд вдруг остановился на календаре со значками лунных фаз.

Приближалось полнолуние. Ну конечно – у Кумико наступали критические дни.

Только став женатым человеком, я по-настоящему осознал, что являюсь жителем Земли, третьей планеты Солнечной системы. Я жил на Земле, Земля обращалась вокруг Солнца, а вокруг Земли вращалась Луна. Нравится мне это или нет, но так будет продолжаться вечность (или то, что можно назвать вечностью в сравнении с моей жизнью). Я стал смотреть на вещи подобным образом под влиянием почти абсолютной точности 29-дневных менструальных циклов своей жены, которые полностью совпадали с фазами Луны. Критические дни Кумико всегда переживала тяжело. За несколько дней до начала становилась неуравновешенной, даже подавленной. Поэтому, хоть это и касалось меня лишь косвенно, ее циклы стали и моими. Каждый месяц приходилось быть внимательным, чтобы не создавать ненужных проблем. До женитьбы я почти не замечал фаз Луны. Может, она и попадалась мне на глаза, когда я смотрел на небо, но ее форме в тот или иной отрезок времени я не придавал никакого значения. А после свадьбы я стал следить за тем, что творится с Луной.

До Кумико у меня было несколько девушек, и, конечно, у каждой был свой период. У одних он проходил трудно, у других – легко, у некоторых заканчивался за три дня, у некоторых продолжался неделю. Бывало, все проходило регулярно, а то случались задержки дней на десять, что пугало меня до смерти; у одних женщин от этого портилось настроение, на других почти не влияло. Хотя до женитьбы на Кумико я никогда не жил с женщиной, и природные циклы значили для меня лишь смену сезонов. Зимой я надевал пальто, летом наступало время сандалий. И только. Женившись, я обзавелся не только сожительницей, но и новыми представлениями о цикличности. Только раз в ее циклах произошел сбой на несколько месяцев. Это случилось, когда она была беременна.

– Извини, – сказала Кумико, поднимая на меня взгляд. – Я не думала на тебя набрасываться. Просто устала, да и настроение плохое.

– Все в порядке. Не думай об этом. Когда устанешь, надо выпустить пар на кого-нибудь. Потом легче.

Кумико сделала глубокий и медленный вдох, задержала дыхание и выдохнула.

– А ты? – спросила она.

– Что я?

– Ты, если устаешь, никогда ни на кого не выпускаешь пар. А я вот выпускаю. Почему так получается?

Я покачал головой.

– Никогда не замечал. Странно.

– Наверное, у тебя внутри – глубокий колодец. Ты крикнешь в него: «У короля – ослиные уши!» – и все в порядке.

– Может, и так, – не сразу откликнулся я, задумавшись.

Кумико вновь обратилась к пустой бутылке. Рассмотрела этикетку, заглянула в горлышко, повертела в пальцах.

– У меня скоро месячные, – сказала она. – Поэтому, наверное, такое плохое настроение.

– Знаю. Ты не переживай. Не у тебя одной проблемы. В полнолуние умирает масса лошадей.

Она отняла руку от бутылки, открыла рот и посмотрела на меня.

– Послушай, откуда вдруг ты это взял? Ни с того ни с сего – о лошадях.

– На днях прочитал в газете. Всё собирался рассказать тебе, да забыл. Интервью с каким-то ветеринаром. Оказывается, фазы Луны ужасно влияют на лошадей – и физически, и эмоционально. Когда приближается полнолуние, их мозговые колебания идут вразнос, и у них возникают разные физические проблемы. А в саму ночь полнолуния многие заболевают и даже умирают. Никто толком не знает, в чем причина, но это подтверждено статистикой. Ветеринары в полнолуние никогда не высыпаются – очень много работы.

– Интересно, – сказала жена.

– Впрочем, затмение солнца еще хуже. Для лошадей это настоящая трагедия. Ты не представляешь, как много их погибает во время полного затмения. Я просто хочу сказать, что как раз сейчас где-то умирают лошади. Вымещать свое раздражение на ком-то – пустяк по сравнению с этим. Так что не надо расстраиваться. Подумай о несчастных лошадях. Представь, как они лежат в полнолуние на сене в какой-нибудь конюшне, в агонии хватая воздух вспененными ртами.

Казалось, Кумико на минуту задумалась об умирающих лошадях.

– Ну, я должна признать, – произнесла она с ноткой покорности, – ты способен убедить кого угодно.

– Тогда переодевайся – и пойдем есть пиццу.

* * *

Лежа в ту ночь рядом с Кумико в темной спальне, я глядел в потолок и спрашивал себя, что мне на самом деле известно об этой женщине. На часах – два часа ночи. Она крепко спит. Я думал о голубых салфетках, цветастой туалетной бумаге, говядине и зеленом перце. Все это время я прожил с Кумико, не подозревая, какое отвращение она испытывает к этим вещам. Сами по себе они не имеют никакого значения. Так, глупость. Пошутили и забыли. Какие проблемы? Через пару дней мы бы об этом и не вспомнили.

Но тут штука в другом. Что-то здесь не так – эта мысль бредила меня, мешая, как застрявшая в горле мелкая рыбья кость. Все это может иметь куда более важное значение, чем казалось, думал я. Вполне возможно, даже роковое. Или даже начало чего-то более серьезного и трагического. Может, я стою перед входом в некий мир, принадлежащий одной лишь Кумико, огромный мир, которого я еще не знаю. Мир этот представлялся мне огромной темной комнатой. Я стою в ней, держа в руках зажигалку, и ее крошечное пламя освещает лишь самую малую часть помещения.

Смогу ли я когда-нибудь увидеть остальное? Или мне суждено состариться и умереть, так и не узнав по-настоящему эту женщину? Если это все, что у меня в запасе, – в чем заключается смысл моей супружеской жизни? В чем вообще смысл жизни, если я провожу ее в постели с чужой женщиной?

* * *

Вот о чем я думал в ту ночь и о чем продолжал размышлять потом время от времени. Лишь много позже мне пришло в голову, что я отыскал подход к существу проблемы.

3. Шляпа Мальты Кано

•

Цвет шербета, Аллен Гинзберг и крестоносцы

Я готовил ленч, когда вновь зазвонил телефон.

Отрезав два куска хлеба, я намазал их маслом и горчицей, поместил между ними ломтики помидора и сыра, положил на кухонную доску и только собирался разделить ножом на две части, как начался трезвон.

После трех звонков я разрезал сандвич пополам. Переложил его на тарелку, вытер и сунул в ящик нож, налил себе чашку кофе.

Телефон продолжал надрываться. Наверное, еще звонков пятнадцать. Пришлось сдаться и поднять трубку. Я предпочел бы не отвечать, но это могла быть Кумико.

– Алло? – произнес женский голос, которого я раньше не слышал. Не жена и не та странная женщина, что звонила на днях, когда я готовил спагетти, – какая-то совершенно незнакомая особа.

– Скажите, пожалуйста, не могу ли я поговорить с господином Тору Окада?
– сказал голос таким тоном, будто его обладательница читала по бумажке заранее заготовленный текст.

– Можете, – ответил я.

– Вы супруг госпожи Кумико Окада?

– Да. Кумико Окада – моя жена.

– А Нобору Ватая – старший брат госпожи Окада?

– Вы правы, – отвечал я, демонстрируя великолепное умение владеть собой. – Нобору Ватая – действительно старший брат моей жены.

– Мое имя – Кано.

Я ждал, что последует дальше. Неожиданное упоминание имени старшего брата Кумико настораживало. Я почесал шею тупым концом карандаша, лежавшего возле телефонного аппарата. Прошло пять секунд, а то и больше – женщина молчала. Из трубки вообще не раздавалось никаких звуков, будто женщина закрыла ее рукой и разговаривала с кем-то рядом.

– Алло? – озабоченно сказал я.

– Извините, пожалуйста, – вдруг выпалил голос. – Я должна просить вашего разрешения перезвонить вам позже.

– Но подождите минуту, – сказал я. – Это...

Связь оборвалась. Я уставился на трубку, снова приложил ее к уху. Сомнений не было: разговор окончен.

С чувством смутной неудовлетворенности я вернулся за кухонный стол, выпил кофе и съел сандвич. Перед тем как раздался звонок, я о чем-то думал, но сейчас никак не мог вспомнить, о чем именно. Держа нож в правой руке, я собирался разрезать сандвич и в тот момент совершенно точно думал о чем-то. О чем-то важном, что долго, безуспешно пытался вспомнить. Это пришло мне в голову в ту самую минуту, когда я хотел разделить сандвич пополам, но теперь снова испарилось. Жуя сандвич, я изо всех сил старался снова вызвать это чувство, но ничего не получалось. Оно уже вернулось в темные задворки моего сознания, где жило до того момента.

* * *

Закончив еду, я убирал посуду – и тут опять раздался звонок. На этот раз я взял трубку сразу.

– Алло, – вновь слышался женский голос, но на сей раз это оказалась Кумико. – Как дела? – спросила она. – Ты уже поел?

– Так точно. А ты?

– Нет. С самого утра очень много работы. Может быть, куплю бутерброд попозже. А ты что ел?

Я описал ей свой сандвич.

– Понятно, – откликнулась она без всякой зависти. – Кстати, утром я забыла сказать тебе одну вещь. Тебе сегодня должна позвонить женщина по имени Кано.

– Уже звонила, – сказал я. – Только что. Она лишь назвала наши имена – мое, твое и твоего брата – и отключилась. И ни слова о том, что ей нужно. Что это значит?

– Она повесила трубку?

– Сказала, что перезвонит.

– Послушай! Когда позвонит, я хочу, чтобы ты сделал все, как она скажет. Это в самом деле очень важно. Думаю, тебе придется с ней встретиться.

– Встретиться? Сегодня?

– А что такого? У тебя были какие-то планы? Собирался увидеться с кем-нибудь?

– Нет. – У меня не было никаких планов. Ни вчера, ни сегодня, ни завтра. –

Но кто она такая, эта Кано? И что ей от меня надо, объясни, пожалуйста. Хотелось бы что-то знать. Если это о работе, то с твоим братом я никаких дел иметь не хочу. Ты же знаешь.

– К работе это не имеет отношения, – раздраженно сказала она. – Это о нашем коте.

– О коте?

– Ой, извини. Надо бежать. Меня ждут. Мне правда не надо было тебе звонить в это время. Я же сказала: даже поесть не успеваю. Я снова позвоню, как только освобожусь.

– погоди, я знаю, как ты занята, но нельзя же на меня, в самом деле, ни с того ни с сего навешивать не пойми что. Я хочу знать, в чем дело. При чем здесь кот? Что, эта Кано...

– Просто сделай, что она скажет. Пожалуйста. Ты понял? Это серьезное дело. Побудь дома и подожди ее звонка. Ну, я побежала.

Разговор был закончен.

* * *

Когда в половине третьего раздался звонок, я дремал на диване. Сначала мне показалось, что это будильник. Я протянул руку, чтобы нажать на кнопку, но будильника не обнаружил. Я спал не на кровати, а на диване, и было не утро, а день. Я поднялся и подошел к телефону.

– Алло.

– Алло, – прозвучал женский голос. То была звонившая утром. – Это господин Тору Окада?

– Да. Это я. Тору Окада.

– Меня зовут Кано.

– Это вы звонили недавно?

– Да. Боюсь, я была ужасно невежлива. Однако скажите мне, господин Окада, вы сегодня не заняты?

– Да вроде нет.

– Я понимаю, что это все так неожиданно, но не могли бы мы встретиться?

– Сегодня? Прямо сейчас?

– Да.

Я взглянул на часы. Вообще-то необходимости не было – полминуты назад я уже проделывал такую операцию. Просто захотелось еще раз убедиться. По-прежнему было полтретьего.

– Это надолго? – спросил я.

– Думаю, у вас это не займет много времени. Впрочем, я могу и ошибаться.

Сейчас я не могу сказать точно. Извините, пожалуйста.

Сколько бы времени это ни заняло, выбора у меня не было. Я вспомнил, что говорила по телефону Кумико: поступай, как скажет эта женщина, дело серьезное. Так что ничего не оставалось – только выполнять сказанное. Если Кумико сказала, что дело серьезное, – значит, так оно и есть.

– Понятно. В таком случае где нам лучше встретиться? – спросил я.

– Вы знаете отель «Пасифик» рядом со станцией Синагава?

– Знаю.

– На первом этаже есть кафе. Я буду ждать там в четыре, если это вас устроит.

– Хорошо.

– Мне тридцать один год. Я буду в красной клеенчатой шляпе.

Поразительно! – подумал я. В ее манере говорить было что-то странное, что-то сразу повергло меня в смятение. Но я был не в состоянии объяснить самому себе, что необычного прозвучало в ее словах. Да и нет никаких оснований запрещать женщине тридцати одного года носить красную шляпу из клеенки.

– Все понятно. Я вас узнаю.

– Окада-сан, не будете ли вы так добры назвать мне отличительные признаки своей внешности?

Я попытался представить себе «отличительные признаки» своей внешности. Какие, собственно, «признаки» у меня есть?

– Мне тридцать лет. Рост – 172 сантиметра, вес – 63 килограмма, короткая прическа. Очков не ношу. – Перечисляя, я подумал, что это вряд ли можно назвать отличительными признаками. В кафе отеля «Пасифик» на Синагаве может оказаться полсотни людей с такой внешностью. Я как-то заходил туда – заведение очень большое. Нужно то, что привлекает внимание настоящего. Но в голову ничего не приходило. Конечно, нельзя сказать, что

у меня нет никаких отличительных особенностей. Сейчас я сижу без работы, помню имена всех братьев Карамазовых. Однако на наружности это не отражается.

– Как вы будете одеты? – спросила женщина.

– Вы знаете... – Об этом я как-то не подумал. – Не знаю. Я еще не решил. Это так неожиданно.

– Тогда наденьте, пожалуйста, галстук в горошек, – решительно заявила она. – У вас есть галстук в горошек?

– Думаю, есть, – ответил я. У меня был галстук с мелкими кремовыми пятнышками на темно-синем фоне. Два-три года назад жена подарила мне его на день рождения.

– Будьте добры, наденьте его. До встречи в четыре, – произнесла женщина и повесила трубку.

* * *

Я открыл гардероб и стал искать галстук в горошек. На вешалке его не оказалось. Тогда я проверил все ящики и коробки с одеждой в стенном шкафу. Галстука в горошек нигде не было. Если он дома, обязательно попадется на глаза. Кумико очень тщательно следила за порядком в нашем гардеробе, и галстук мог быть только там, где положено.

Держась рукой за дверцу, я старался вспомнить, когда надевал этот галстук в последний раз. Но ничего не получилось. Галстук был стильный, однако для офиса юридической фирмы был чересчур шикарен. Если бы я появился в таком галстуке в конторе, кто-нибудь обязательно подошел бы в обеденный перерыв и начал жужжать о том, какой он замечательный, какой у него хороший цвет и все в таком роде. И это было бы своего рода предупреждением. В фирме, где я служил, не было принято хвалить за галстук. Поэтому на работу я его не надевал и носил только по личным и сравнительно официальным поводам: на концерт или ужин в хорошем ресторане – словом, в те дни, когда жена говорила: «Сегодня тебе надо быть в форме». (Впрочем, подобных случаев было не так много.) Тогда я и повязывал галстук в горошек – он очень подходил к моему темно-синему костюму, да и Кумико нравился. Но я совсем не помнил, когда надевал его в последний раз.

Еще раз проверив содержимое гардероба, я сдался. Галстук в горошек по неведомой причине куда-то исчез. Пришлось надевать синий костюм с голубой сорочкой и полосатым галстуком. Ну ничего. Если она меня не узнает, мне самому нужно будет отыскать дамочку в красной шляпе.

После ухода с работы мне ни разу не приходилось влезать в костюм. Надев его, я почувствовал, будто тело охватила какая-то инородная субстанция – тяжелая, жесткая, казалось, она не совпадает с очертаниями тела. Я немного прошелся по комнате, одернул перед зеркалом рукава и полы пиджака, чтобы лучше сидело. Вытянул руки, сделал глубокий вздох, нагнулся вперед, проверяя, не изменилась ли за эти два месяца моя фигура. Снова уселся на диван, но по-прежнему чувствовал себя не в своей тарелке.

До весны я каждый день ездил на работу в костюме и не ощущал никакого дискомфорта. В моей фирме к одежде сотрудников предъявлялись довольно жесткие требования, и даже такие незначительные клерки, как я, были обязаны носить костюмы. Поэтому хождение на работу в униформе я воспринимал как должное.

Однако сейчас я сидел в костюме на диване с чувством, будто совершил какой-то неправильный, аморальный поступок – то ли с неблагоприятной целью подделал свою анкету, то ли тайком переоделся женщиной. Мне даже стало стыдно, а дышать становилось все тяжелее и тяжелее.

Я вышел в прихожую, извлек из шкафа коричневые туфли и влез в них, помогая себе рожком. На туфлях лежал тонкий слой белой пыли.

* * *

Разыскивать дамочку не понадобилось – она сама меня нашла. Войдя в кафе, я огляделся, надеясь обнаружить красную шляпу. Однако женщин в таком головном уборе внутри не оказалось. На моих часах до четырех оставалось еще десять минут. Я сел за столик и, отпив принесенной официанткой воды, заказал кофе. И тут у меня за спиной женский голос произнес: «Господин Тору Окада?» Я с удивлением обернулся. После того как я оглядел кафе и сел на свое место, не прошло и трех минут.

На женщине был белый жакет и желтая шелковая блуза, на голове – красная клеенчатая шляпа. Подчиняясь рефлексу, я встал со стула и оказался с этой женщиной лицом к лицу. Ее, безусловно, можно было назвать красавицей. Во всяком случае, она была гораздо красивее, чем я представлял, когда слышал по телефону ее голос. Стройная фигура, умеренный макияж. Она умела одеваться – жакет и блуза были сшиты прекрасно; на воротнике жакета сверкала золотая брошь в виде птичьего пера. Ее можно было принять за референта какой-нибудь крупной компании. Лишь красная шляпа явно была не к месту. Непонятно, почему, уделяя такое внимание одежде, она надела эту нелепую красную клеенчатую шляпу. Может быть, при встречах она всегда носит ее как опознавательный знак? Если так, то идея неплохая. На общем фоне действительно выделяется.

Госпожа Кано села за столик напротив меня, и я снова занял свое место.

– Как вы меня узнали? – любопытствовал я. – Галстука в горошек я не нашел, поэтому надел в полоску. Собирался вас искать. Как же вы поняли, что это я?

– Это само собой разумеется, – ответила женщина, положив на стол белую лакированную сумочку, которую держала в руках. Затем сняла красную клеенчатую шляпу и накрыла ею сумочку. У меня было чувство, что она собирается показать мне фокус: поднимет шляпу – а сумочки под ней не окажется.

– Но ведь галстук на мне другой, – возразил я.

– Галстук? – Женщина недоуменно посмотрела на мой галстук, будто хотела спросить: «О чем говорит этот человек?» Потом пожала плечами: – Это не имеет значения. Пожалуйста, не обращайтесь внимания.

Ее глаза вызвали странное чувство. В них удивительным образом не хватало глубины. Глаза были красивые, но, казалось, ни на что не смотрели. Какие-то плоские, словно стеклянные. Хотя, конечно, в них было не стекло. Глаза, как и положено, двигались, моргали.

Как она смогла узнать незнакомого человека в переполненном кафе, совершенно непонятно. Почти все места в зале заняты, среди посетителей – много мужчин моего возраста. Я хотел поинтересоваться, как она умудрилась моментально отыскать меня среди них, но, похоже, лучше было не болтать лишнего.

Женщина поманила пробежавшего с деловым видом официанта и попросила «перье». Официант сообщил, что «перье» нет, и предложил тоник. Чуть подумав, женщина согласилась. Дожидаясь, пока принесут тоник, она не проронила ни слова. Я тоже молчал.

В конце концов, женщина приподняла красную шляпу, открыла застежку сумочки и достала футляр для визитных карточек из блестящей черной кожи, размером чуть меньше магнитофонной кассеты. На нем тоже оказалась застежка. Я впервые видел футляр для визиток с застежкой. Женщина бережно извлекла оттуда карточку и вручила ее мне. Я собирался проделать то же самое и уже опустил было руку в карман пиджака, но тут вспомнил, что визиток у меня нет.

Ее карточка была сделана из тонкого пластика, и мне показалось, что от нее пахнет благовониями. Я поднес визитку ближе к носу – запах стал отчетливее. Точно – ладан. На карточке имелась всего одна строчка, мелко набранная черным жирным шрифтом.

Мальта Кано

Мальта?

Я взглянул на обратную сторону.

Но там больше ничего не было.

Пока я раздумывал о смысле, заключенном в этой карточке, появился официант. Он поставил перед моей собеседницей стакан со льдом и наполовину налил в него тоника. В стакане плавала вырезанная клинышком долька лимона. Тут же явилась официантка с серебристым кофейником на подносе. Поставила передо мной чашку и налила кофе. Затем, как-то украдкой, совсем как человек, навязывающий посетителям храма несчастливые «омикудзи» [6], подвинула мне счет и удалилась.

– Там ничего не написано, – сообщила мне Мальта Кано. Я все еще рассеянно разглядывал обратную сторону ее визитки. – Только имя. В телефоне и адресе нет необходимости. Мне никто не звонит. Я всегда звоню сама.

– Разумеется, – откликнулся я. Это невразумительное замечание на какое-то время повисло над столом, подобно плывущему в небе острову из «Путешествий Гулливера».

Держа стакан обеими руками, она сделала глоток через соломинку. Чуть нахмурилась и отодвинула стакан в сторону, будто потеряла к нему всякий интерес.

– Мальта – не настоящее имя, – сказала Мальта Кано. – Кано – настоящее, а Мальта – рабочий псевдоним. От острова Мальта. Вам приходилось бывать на Мальте, господин Окада?

– Нет. – Я никогда не был на Мальте и в ближайшее время туда не собирался. Мне даже в голову не приходило ничего подобного. Я знал об

этом месте одно – совершенно ужасную джазовую композицию Херба Альперта, которая называлась «Пески Мальты».

– А я была на Мальте. Прожила там три года. На Мальте вода очень плохая. Малопригодная для питья. Впечатление такое, будто пьешь опресненную морскую воду. И хлеб пересоленный. Не потому, что в него кладут соль, просто в воде, которую используют при выпечке, ее слишком много. Хотя хлеб получается неплохой. Мне нравится мальтийский хлеб.

Я кивал и пил кофе маленькими глотками.

– Так вот, вода на Мальте – просто ужасная, но там есть особенный родник, его вода благотворно влияет на структуру организма. Это особая, можно даже сказать – мистическая вода, которая доступна на острове только в одном месте. Источник находится в горах, и подъем к нему из деревни у подножия занимает несколько часов, – продолжала Мальта Кано. – От родника воду уносить нельзя – она сразу теряет свою силу. Чтобы выпить этой воды, надо идти к самому источнику. Упоминания о ней сохранились в хрониках времен крестовых походов. Тогда ее называли живой водой. Пить ее приезжал Аллен Гинзберг. И Кит Ричардс тоже. Я три года жила там, в маленькой деревушке у подножия горы. Выращивала овощи, училась ткать. И каждый день ходила к источнику пить эту воду. С 1976 по 1979 год. Мне довелось даже целую неделю пить только воду и ничего не есть. Неделю ничего нельзя брать в рот, кроме этой воды. Такое испытание необходимо пройти. Наверное, это можно назвать аскезой. Так очищается тело. Это было просто замечательно. Поэтому, вернувшись в Японию, для своей профессиональной деятельности я выбрала имя Мальта.

– А могу я поинтересоваться: какая у вас профессия?

Она покачала головой.

– Строго говоря, это не профессия. Я не беру денег за то, что делаю. Моя функция – консультации. Я беседую с людьми о структуре организма. Кроме того, занимаюсь исследованиями воды, оказывающей положительное воздействие на структуру организма. С деньгами у меня проблем нет. Я располагаю необходимыми средствами. Мой отец – врач, он выделил мне и младшей сестре акции и недвижимость в виде пожизненной ренты. Этими делами ведает мой налоговый бухгалтер. Годовой доход у

меня вполне приличный. Кроме того, я написала несколько книг, от которых тоже получила некоторую сумму. Что же касается моей деятельности, связанной со структурой организма, то я занимаюсь ею совершенно бесплатно. Поэтому на карточке нет ни моего телефона, ни адреса. Я звоню людям сама.

Я кивнул. Впрочем, движение головы было рефлекторным – я абсолютно не представлял, о чем идет речь. По отдельности слова этой женщины были понятны, однако их общий смысл оставался недоступным.

Структура организма?

Аллен Гинзберг?

Я все больше ощущал себя не в своей тарелке. Я не отношусь к типу людей, обладающих интуитивным даром, но почувствовал, что в воздухе запахло новыми проблемами.

– Извините, пожалуйста, – прервал я ее, – но не могли бы вы объяснить все по порядку? Некоторое время назад я говорил со своей женой. Она сказала только, что мне нужно встретиться с вами по поводу кота. Поэтому, честно говоря, я не совсем понимаю, о чем идет речь. Разве это имеет отношение к нашему коту?

– Имеет. Но прежде, господин Окада, я хотела бы кое-что сообщить вам.

Мальта Кано снова щелкнула замком сумочки и достала белый конверт. В нем оказалась фотография, которую она протянула мне со словами: «Моя сестра». То был цветной снимок двух женщин. Одна – Мальта Кано, опять в шляпе, на сей раз – вязаной, желтого цвета. И шляпа снова ужасающе не гармонировала с остальной одеждой. Ее младшая сестра – а из нашего разговора можно было сделать вывод, что это она, – была в пастельном костюме, похожем на те, что вошли в моду в начале 60-х годов, и подходящей по цвету шляпке. Помнится, раньше такую гамму называли «тоном шербета». Одно можно было сказать наверняка: сестрам нравилось носить шляпы. Прическа у младшей в точности напоминала ту, что носила Жаклин Кеннеди, когда была женой президента. Лака для волос на нее извели немало. При некотором избытке косметики ее лицо можно было назвать красивым. Ей было лет двадцать – двадцать пять. Я вернул фотографию Мальте Кано, она поместила ее обратно в конверт, положила в

сумочку и защелкнула замок.

– Сестра моложе меня на пять лет, – произнесла она. – Ее обесчестил Нобору Ватая. Овладел насильно.

Ого! Мне захотелось встать и, ни слова не говоря, уйти. Но поступить так было нельзя. Я вытащил из кармана носовой платок, вытер рот и положил обратно. Откашлялся.

– Мне об этом ничего не известно. Я очень сожалею, если ваша сестра была изнасилована, – начал я. – Однако хочу сказать, что с братом моей жены мы совершенно чужие люди. Поэтому, если в связи с этим...

– Вас я ни в чем не упрекаю, господин Окада, – твердо заявила Мальта Кано. – Если кого-то и надо обвинять в случившемся, то в первую очередь – меня. За то, что была недостаточно внимательна. За то, что, по правде говоря, не защитила ее, хотя и обязана была защитить. Такие вещи случаются, господин Окада. Вы же знаете, мы живем в жестоком и хаотичном мире. И внутри этого мира есть места, где жестокости и хаоса еще больше. Вы понимаете меня? Что случилось, то случилось. Моя сестра поправится от полученной травмы, очистится от этой грязи. Она должна это сделать. Слава богу, это не смертельно. Могло быть и хуже. То же самое я сказала сестре. Больше всего в этом меня тревожит структура ее организма.

– Структура организма, – повторил я за ней. Похоже, «структура организма» была ее постоянной темой.

– Я не могу сейчас объяснить вам все подробности. Это был бы очень долгий и сложный разговор. Извините меня, господин Окада, но я думаю, что на нынешней стадии вам будет трудно вникнуть в его истинный смысл. Он касается мира, к которому мы подходим как профессионалы. Я пригласила вас сюда не для того, чтобы предъявлять какие-то претензии. И конечно, вы не несете никакой ответственности за то, что произошло. Об этом нет и речи. Я только хотела сообщить вам, что господин Ватая осквернил – пусть лишь только на время – структуру организма моей сестры. И еще – скоро у вас, возможно, в какой-то форме установится контакт с моей сестрой. Как я уже говорила, она помогает мне в работе. Наверное, вам лучше быть в курсе того, что произошло между нею и

господином Ватая. И мне хочется, чтобы вы знали: такие вещи случаются.

Наступила короткая пауза. Мальта Кано погрузилась в молчание, а выражение ее лица будто говорило: «Задумайтесь, пожалуйста, над тем, что я сказала». Я задумался. О том, что Нобору Ватая изнасиловал сестру Мальты Кано. О связи между этим случаем и структурой организма. И о связи всего этого с исчезновением нашего кота.

– То есть вы хотите сказать, – начал я робко, – что ни вы, ни ваша сестра не собираетесь предавать это дело огласке или обращаться в полицию?

– Разумеется, нет, – бесстрастно ответила Мальта Кано. – Точнее говоря, мы никого не будем призывать к ответу. Мы лишь хотим как следует разобраться в причинах того, что произошло. Пока ответ на этот вопрос не будет найден, может случиться нечто еще более страшное.

Услышав эти слова, я немного успокоился. Я ничуть бы не расстроился, если бы Нобору Ватая арестовали за изнасилование, осудили и посадили в тюрьму. Он вполне это заслужил. Однако брат моей жены был довольно заметной фигурой, и такая новость обязательно стала бы бомбой для газетчиков. И конечно, жестоким ударом для Кумико. Что касается меня, то по соображениям моральной чистоплотности мне не хотелось бы такого развития событий.

– Сегодня мы встречаемся с вами исключительно ради кота, – продолжала Мальта Кано. – Господин Ватая попросил моего совета в этом деле. Ваша супруга, госпожа Окада, обратилась к своему старшему брату, господину Ватая, по поводу пропавшего кота, а он, в свою очередь, попросил консультации у меня.

Вот оно что! Ситуация прояснялась. Эта женщина была ясновидящей или вроде того, и с нею стали консультироваться о том, куда подевался кот. Семейство Ватая уже давно увлекалось предсказаниями будущего, местами с «чистым биополем» и тому подобными штуками. Конечно, личное дело каждого – верить во что хочется. Но зачем нужно было насиловать сестру своего партнера по этим делам? К чему создавать дополнительные трудности?

– Значит, вы на этом специализируетесь? Ищете пропавшее? – спросил я.

Мальта Кано пристально взглянула на меня своими лишенными глубины глазами. Казалось, на меня посмотрели окна пустого дома. Судя по их выражению, женщина никак не могла уловить смысла моего вопроса.

Оставив его без ответа, Мальта Кано проговорила:

– Вы живете в очень странном месте.

– Неужели? В каком смысле – странном?

Вместо ответа она отодвинула стакан с тоником, к которому почти не притронулась, еще сантиметров на десять.

– Кошки ведь очень чувствительные создания.

На какое-то время вновь повисло молчание.

– Итак, место, где мы живем, – странное, а кошки – животные с хорошим чутьем, – сказал я. – Это понятно. Однако мы живем там уже довольно давно – вдвоем, и еще кот. Из-за чего вдруг он пропал именно сейчас? Почему не ушел раньше?

– Точно я не могу ничего сказать. Может быть, течение изменилось. Что-то нарушило течение.

– Течение...

– Не знаю, жив ваш кот или нет. Но наверняка в окрестностях вашего дома его нет. Можете не искать – это бесполезно.

Я поднял чашку и сделал глоток уже остывшего кофе. За окнами накрапывал мелкий дождик. Небо затянули темные низкие тучи. Люди, прикрываясь зонтиками, с унылым видом перемещались вверх-вниз по пешеходному мостику.

– Дайте, пожалуйста, вашу руку, – попросила Мальта Кано.

Я положил на стол правую руку ладонью кверху, полагая, что она хочет погадать по линиям судьбы. Но Мальту Кано, похоже, совсем не интересовали мои линии. Вытянув руку, она накрыла мою ладонь своей.

Закрыла глаза и застыла в этой позе, похожая на женщину, которая тихонько упрекает в неверности любовника. Появилась официантка и снова налила мне в чашку кофе, делая вид, что не замечает, как мы сидим, соединив руки на столе. Посетители за соседними столиками украдкой посматривали в нашу сторону. Я все время думал о том, не оказалось ли в кафе кого-нибудь из знакомых.

– Мне бы хотелось, чтобы вы мысленно представили какую-нибудь вещь, которую видели перед тем, как прийти сюда, – сказала Мальта Кано.

– Одну?

– Да, только одну.

Я стал вспоминать короткое цветастое платье, что видел в коробке с нарядами Кумико. С чего это вдруг именно оно пришло мне в голову?

Мы посидели, касаясь друг друга руками, минут пять, и они показались мне вечностью. И не только потому, что я ловил на себе пристальные взгляды окружающих: в прикосновении руки Мальты Кано было нечто такое, что не давало успокоиться. Рука была очень маленькой, ни горячей, ни холодной. То было ни теплое прикосновение любовницы, ни профессиональное касание врача. Оно действовало на меня так же, как ее взгляд. И то, и другое как бы превращало меня в опустевший дом – без мебели, без гардин, без ковров. В некую пустую емкость. В конце концов Мальта Кано убрала свою руку и глубоко вздохнула. Затем несколько раз кивнула.

– Господин Окада, – проговорила она. – Я думаю, скоро в вашей жизни произойдет много разных событий. Исчезновение кота – это только начало.

– Разных событий? – переспросил я. – Хороших или плохих?

Задумавшись, она чуть склонила голову набок.

– Будет хорошее, будет и плохое. Плохое, кажущееся вначале хорошим, и хорошее, которое на первый взгляд выглядит плохим.

– Все это, как бы вам сказать, звучит для меня несколько абстрактно. Не могли бы сообщить что-нибудь поконкретнее?

– Да, наверное, то, что я говорю, действительно воспринимается как общие рассуждения. Но, господин Окада, когда речь заходит о сути вещей, часто бывает, что выразить это можно только общими словами. Поймите это, пожалуйста. Мы не гадалки и не прорицательницы. И можем говорить только очень неопределенно. Часто это само собой разумеющиеся, а иногда даже – банальные вещи. Однако скажу откровенно: по-другому продвигаться вперед нельзя. Конечно, конкретика привлекает внимание. Но в большинстве случаев это не более чем второстепенные явления. Так сказать, ненужные боковые дорожки. Чем глубже стараешься заглянуть, тем более общий характер приобретают явления.

Я молча кивнул, хотя совершенно не понимал, о чем толкует эта женщина.

– Вы позволите позвонить вам еще раз? – спросила она.

– Конечно. – По правде говоря, мне больше не хотелось, чтобы мне звонили, но ничего другого, кроме «конечно», я ответить не мог.

Мальта Кано резким движением сняла со стола свою шляпу из красной клеенки и, взяв укрытую под ней сумочку, поднялась с места. Не зная, как на это реагировать, я остался сидеть.

– Могу сообщить вам только одну пустяковую деталь, – объявила Мальта Кано, надев шляпу и посмотрев на меня сверху вниз. – Ваш галстук в горошек отыщется. Только не в вашем доме.

4. Высокие башни и глубокие колодцы

(или вдали от Номонхана)

Кумико пришла с работы в хорошем настроении. Можно сказать, даже в очень хорошем. Когда я вернулся домой после встречи с Мальтой Кано, было уже почти шесть часов, и у меня не оставалось времени, чтобы к приходу жены приготовить достойный ужин. Пришлось ограничиться тем, что было в морозилке. Мы поужинали, запивая еду пивом. Кумико говорила о работе. Она всегда о ней говорила, когда была в хорошем настроении. С кем встречалась в этот день в офисе, что делала, кто из ее коллег способный, а кто – нет. И прочее в этом роде.

Я слушал и поддакивал. До меня доходило не больше половины того, что она говорила. И дело не в том, что мне не нравилось слушать Кумико. Просто независимо от содержания ее рассказов, я любил наблюдать, как она с увлечением рассуждает о своих делах за обеденным столом. Это, говорил я себе, и есть «дом». Здесь каждый выполняет свои обязанности. Жена говорит о своей работе, а я, приготовив ужин, слушаю ее. Эта картина сильно отличалась от того образа, который рисовался в моем воображении до женитьбы. Но как бы то ни было, это был дом, который я сам выбрал. Конечно, в детстве у меня тоже был дом. Но я его не выбирал. Я в нем родился, моего мнения никто не спрашивал, он достался мне как свершившийся факт. А теперь я жил в мире, приобретенном по собственной воле. Это мой дом. Разумеется, идеальным его не назовешь, но мой принцип таков: принимай на себя все, какие бы проблемы ни возникали. В конце концов, это мой выбор, и если проблемы появляются, их корни почти наверняка надо искать во мне самом.

– Ну а что с котом? – спросила Кумико.

Я вкратце рассказал ей о встрече с Мальтой Кано в отеле на Синагаве. О

галстуке в горошек: что его почему-то не оказалось в шкафу. О том, что, несмотря на пропажу галстука, Мальта Кано сразу узнала меня в переполненном кафе. Описал ее вид и манеру разговаривать. Кумико с удовольствием послушала про красную клеенчатую шляпу, но была сильно разочарована, узнав, что четкого ответа на вопрос о пропавшем без вести коте мне получить не удалось.

– Выходит, она тоже не знает, что с ним? – требовательно спросила жена. – Сказала только, что в нашей округе его больше нет?

– В общем, да, – ответил я, решив умолчать о словах Мальты Кано насчет места, где мы живем: как она сказала, что-то помешало течению, и это имеет какое-то отношение к пропаже кота. Кумико, боюсь, приняла бы такое близко к сердцу, а у нас достаточно причин для беспокойства. Узнав, что это место плохое, жена стала бы настаивать на немедленном переезде. Только этого еще не хватало. Не с нашими деньгами об этом думать.

– Так она и сказала: «Кота поблизости больше нет».

– Это значит, что он не вернется домой?

– Не знаю. Она так туманно выражалась... одни намеки. Сказала, что сообщит, если выяснит еще что-нибудь.

– Ты ей веришь?

– Как тебе сказать?.. Я в таких делах полный профан.

Подлив себе в стакан пива, я стал наблюдать, как оседает пена. Кумико поставила локоть на стол и подперла рукой подбородок.

– Эта женщина ничего не берет за свои услуги.

– Это плюс, – сказал я. – Тогда в чем вопрос? Денег она не возьмет, душу у нас не заберет, принцесса останется в замке. Мы ничего не теряем.

– Да пойми ты. Кот мне дорог. Я бы сказала: он нам дорог. Ведь мы с тобой нашли его через неделю после свадьбы. Помнишь, как мы его подобрали?

– Помню, конечно.

– Он был еще котенком. Насквозь промок под дождем. В тот день был проливной дождь. Я пошла встречать тебя на станцию. С зонтиком. Мы нашли малыша у винной лавки в ящике из-под пива, когда шли домой. Это первый кот в моей жизни. Для меня он как символ. Я не могу его потерять.

– Я все понимаю, – откликнулся я.

– Где же он? Ты ведь столько его искал, и все без толку! Уже десять дней как он пропал, поэтому я и позвонила брату. Спросила, не знает ли он гадалки или экстрасенса, которые могли бы его отыскать. Я знаю, ты терпеть не можешь о чем-нибудь просить моего брата, но он пошел по стопам отца и много знает о таких вещах.

– Ах да, ваша семейная традиция, – сказал я холодно, точно в проливе подул вечерний ветер. – Но какая связь у Нобору Ватая с этой женщиной?

Жена пожала плечами.

– Похоже, они где-то случайно познакомились. В последнее время брат со многими общается.

– Не сомневаюсь.

– Он говорит, что эта женщина обладает поразительными способностями, но она с большими странностями. – Кумико механически ковыряла вилкой запеканку из макарон. – Как, ты сказал, ее зовут?

– Мальта Кано. Мальта с острова Мальта. Она там духовно самосовершенствовалась.

– Да, да. Госпожа Мальта Кано. Как она тебе показалась?

– Трудно сказать. – Я посмотрел на свои руки на столе. – Во всяком случае, с ней не соскучишься. Уже неплохо. В мире полно непонятного, и кто-то должен заполнять этот вакуум. Пусть уж лучше этим занимаются те, с кем не скучно. Так ведь? Например, такие, как Хонда-сан.

Кумико весело рассмеялась.

– Да уж. Правда, замечательный старик? Мне он так нравился.

– Мне тоже, – сказал я.

* * *

Примерно через год после свадьбы мы с Кумико стали раз в месяц посещать старика по фамилии Хонда. Семейство Ватая очень ценило его как обладателя «духовного наития», но при этом он был совершенно глух и даже при помощи слухового аппарата почти ничего не слышал. Нам приходилось кричать так громко, что, казалось, вот-вот лопнет бумага, которой оклеены сёдзи [7]. Интересно, как при этом он мог разобрать, что ему говорили духи? А может, наоборот: слова духов лучше доходят до глухих? Хонда оглох, получив контузию на войне. В 1939 году он служил унтер-офицером в Квантунской армии, и во время боев с советско-монгольскими войсками у Номонхана [8] на границе Маньчжурии и Монголии от разрыва снаряда или гранаты у него лопнули барабанные перепонки.

Мы ходили к нему вовсе не потому, что верили в его спиритические способности. Я лично не питал к этому интереса, а у Кумико стремление к сверхъестественному было куда меньшим, чем у ее родителей и брата. Будучи немного суеверной, она приходила в расстройство от плохих предсказаний, но сама в такие дела не влезала.

На наших встречах с Хондой настаивал отец Кумико. Вернее, таким было условие, которое он поставил, прежде чем дать согласие на наш брак. Условие довольно странное, но мы с ним согласились, чтобы избежать ненужных проблем. Откровенно говоря, мы с Кумико не думали, что будет легко добиться согласия ее родителей. Отец Кумико был госчиновником. Младший сын в небогатой семье фермера из Ниигаты, он со стипендией был зачислен в Токийский университет, с отличием окончил его и устроился на престижную работу в министерство транспорта. На мой взгляд, само по себе это замечательно. Но, как часто бывает с людьми, прошедшими такой путь, он оказался человеком высокомерным и самодовольным. Привыкнув приказывать, он ни капли не сомневался в ценностях того мира, к которому принадлежал. Иерархия значила для него все. Он легко склонялся перед любым начальством и без малейших колебаний давил тех, кто был ниже его по чину. Ни я, ни Кумико не верили,

что такой человек примет женихом своей дочери двадцатичетырехлетнего студента без гроша в кармане, без положения и приличного происхождения, который не может похвастаться особыми достижениями в учебе и почти не имеет перспектив. Если родители откажут, мы все равно собирались пожениться и жить сами по себе, не общаясь с ними. Мы были молоды, любили друг друга и считали, что и без денег, и без родителей будем счастливы.

Тем не менее я направился в дом Кумико просить ее руки. Встретили меня более чем прохладно. Такое чувство, будто одновременно распахнулись двери всех холодильников в мире. Тогда я работал в юридической фирме. Меня спросили, собираюсь ли я сдавать экзамен в коллегия адвокатов. Я сказал, что собираюсь. Я и в самом деле тогда еще думал поднапрячься и попробовать силы на экзамене, хотя у меня и оставались большие сомнения. Однако по моим баллам в университете легко было догадаться, сколь мало шансов я имел. Короче говоря, выходило, что их дочери я не пара.

Но в конце концов родители Кумико пусть неохотно, но благословили нас. Это действительно было похоже на чудо, и обязаны мы были именно Хонде-сан. Услышав, что я за человек, он решительно заявил, что если они хотят выдать свою дочь замуж, лучшего жениха, чем я, не найти. И уж коли Кумико остановила на мне свой выбор, они ни в коем случае не должны противиться этому, иначе всех ждут ужасные последствия. Родители Кумико тогда всецело доверяли Хонде и не посмели ему перечить: ничего не оставалось, как признать меня мужем их дочери.

Однако я так и остался для них чужаком, незванным гостем. Первое время после свадьбы мы с Кумико два раза в месяц в обязательном порядке приходили к ним на семейные обеды. Без преувеличения тошнотворные мероприятия – нечто среднее между бессмысленным смирением плоти и жестокой пыткой. Весь обед меня не покидало чувство, что стол, за которым мы сидим, по длине не уступит платформе на вокзале Синдзюку. Они ели и разговаривали о чем-то на одном конце стола, я же пребывал от них в бесконечном далеке. Спустя год после свадьбы у нас с отцом Кумико случился такой ожесточенный спор, что мы перестали встречаться вообще. Наконец я смог вздохнуть с огромным облегчением. Ничто так не изматывает человека, как бессмысленные и бесполезные усилия.

Некоторое время после свадьбы я изо всех сил старался поддерживать нормальные отношения с семьей жены. Ежемесячные встречи с Хондой-сан, несомненно, были наименее болезненным звеном в череде этих усилий.

Все связанные с Хондой расходы оплачивал отец Кумико. Нам надо было раз в месяц только посещать дом Хонды-сан в Мэгуро [9], захватив большую бутылку сакэ, слушать его рассказы и возвращаться к себе. Все очень просто.

Хонда-сан нам сразу понравился. Если не трогать его невыносимую привычку из-за глухоты включать телевизор на полную громкость, он был очень славный старик. Хонда любил выпить, и наше появление с бутылкой сакэ встречал лучезарной улыбкой.

Мы всегда приходили к нему до обеда. И летом, и зимой он встречал нас, сидя в гостиной, опустив ноги в углубление для котацу [10]. Зимой для тепла он накрывал ноги и очаг с горячими углями одеялом, летом же в одеяле и углях нужды не было. Он считался очень известным прорицателем, но жил весьма скромно, можно даже сказать – отшельником. Дом был маленький, с крошечной прихожей, где одному человеку едва хватало места, чтобы снять или надеть ботинки. Циновки на полу протерлись, трещины на оконных стеклах заклеены липкой лентой. Напротив дома располагалась авторемонтная мастерская, откуда все время раздавались какие-то душераздирающие крики. Хонда-сан носил нечто среднее между ночным халатом и рабочей курткой. На вид одеяние было довольно нестираным. Он жил один, каждый день к нему приходила женщина убирать и готовить. Но по неизвестным мне причинам стирать свое кимоно Хонда-сан ей не разрешал. Его впалые щеки неизменно покрывала короткая седая щетина.

Из обстановки дома Хонды-сан примечательным был только невероятных размеров цветной телевизор, постоянно включенный на канал «Эн-эйч-кей» [11]. То ли Хонда-сан питал особую любовь к программам «Эн-эйч-кей», то ли не желал утруждать себя переключением каналов, то ли это был особенный телевизор, который принимал только «Эн-эйч-кей», – ответа на этот вопрос я так и не получил.

Когда мы приходили, Хонда-сан всегда сидел лицом к телевизору, который

занимал место в токонома [12], перебирая на крышке котацу палочки для гадания, а «Эн-эйч-кей» без отдыха и на предельной громкости транслировала кулинарные шоу, наставления по бонсай [13], новости, политические дебаты...

– Эти законы, сынок, – занятие не для тебя, – сказал как-то Хонда-сан, обращаясь ко мне. Впрочем, по его виду можно было подумать, что он говорит с кем-то, кто стоит у меня за спиной метрах в двадцати.

– Что вы говорите?

– Да-да. В конечном счете закон управляет всем в этом мире. Здесь тень есть тень, свет есть свет. Инь – это инь, а ян – это ян. Я – это я, он – это он.

Я – это я, Он – это он. Канун осени.

Но ты не принадлежишь к этому миру, сынок. То, к чему принадлежишь ты, лежит над или под этим миром.

– А что лучше? – Мне было просто любопытно. – Верх или низ?

– Дело не в том, что лучше, – отвечал Хонда-сан. Откашлявшись, он сплюнул на салфетку комочек мокроты и тщательно изучил его, прежде чем скомкать салфетку и бросить в мусорную корзину. – Это не вопрос: лучше или хуже. Не идти против течения – вот что главное. Надо идти вверх – подымайся, надо идти вниз – опускайся. Когда нужно будет подыматься, найди самую высокую башню и заберись на верхушку. А когда нужно будет двигаться вниз, отыщи самый глубокий колодец и опустишь на дно. Нет течения – ничего не делай. Станешь мешать течению – все высохнет. А коли все высохнет – в этом мире наступит хаос.

Я – это он, А он – это я. Весенние сумерки.

Откажешься от себя, тогда ты – это ты.

– А сейчас как раз такое время, когда нет течения? – спросила Кумико.

– Что?

– А СЕЙЧАС КАК РАЗ ТАКОЕ ВРЕМЯ, КОГДА НЕТ ТЕЧЕНИЯ? –

прокричала она.

– Да, – отвечал Хонда-сан, кивая самому себе. – Поэтому сидите спокойно. Ничего не делайте. Только будьте осторожны с водой. Впереди тебя, возможно, ждут тяжелые времена, и это связано с водой. Воды не окажется там, где она должна быть, зато она будет там, где не надо. Но что бы ни случилось, будь с водой очень осторожен.

Кумико, сидя рядом со мной, кивала с самым серьезным видом, но я видел, что она еле сдерживается от смеха.

– Какую воду вы имеете в виду? – поинтересовался я.

– Этого я не знаю. Просто вода, – ответил Хонда-сан. – Сказать по правде, мне тоже пришлось пострадать из-за воды, – продолжил он. – У Номонхана совсем не было воды. На передовой – неразбериха, снабжение отрезано. Ни воды. Ни продовольствия. Ни бинтов. Ни боеприпасов. В общем – кошмар. Шишек, сидевших в тылу, интересовало только одно: поскорее захватить территорию. О снабжении никто и не думал. Три дня я почти не пил. Расстилал полотенце, утром оно немного напityвалось росой, и из него можно было выжать несколько капель влаги. Вот и все. Другой воды не было. Было так плохо, что хотелось умереть. В мире нет ничего страшнее жажды. От нее хотелось броситься под пули. Раненные в живот кричали и просили пить. Некоторые даже сходили с ума. Живой ад, да и только. Прямо перед нами текла река, в которой воды было сколько угодно. Но подойти к ней не подойдешь. Между нами и рекой – громадные советские танки с огнеметами в линию. Позиции утыканы пулеметами, как подушечки для иголок. На высотах окопались снайперы, и по ночам они палили осветительными ракетами. А у нас только пехотные винтовки-тридцатьвосьмерки [\[14\]](#) и по двадцать пять патронов на брата. И несмотря на это, многие мои товарищи пытались пробраться к реке, воды набрать. Терпения больше не было. Ни один не вернулся. Все погибли. Поэтому я и говорю: сидишь на месте – вот и хорошо.

Хонда-сан вытащил салфетку и громко высморкался. Изучив полученный результат, смял ее и выбросил.

– Конечно, ждать, пока течение возобновится, – дело тяжелое. Но раз надо ждать – значит, надо. А пока делай вид, что умер.

– То есть вы хотите сказать, что мне лучше какое-то время побыть мертвым? – спросил я.

– Что?

– ТО ЕСТЬ ВЫ ХОТИТЕ СКАЗАТЬ, ЧТО МНЕ ЛУЧШЕ КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ ПОБЫТЬ МЕРТВЫМ?

– Вот-вот, – был ответ.

Смерть – единственный путь. Для тебя плыть свободно. Номонхан.

После этого Хонда-сан еще целый час рассказывал нам про Номонхан, а мы только сидели и слушали. Год ходили к нему каждый месяц, чтобы «получать от него указания», но никаких указаний он нам не давал. Гаданием при нас он занимался редко. Почти все его рассказы были о номонханском инциденте. О том, как лейтенанту, который был с ним рядом, снесло снарядом полчерепа; как он бросился на советский танк и поджег его бутылкой с зажигательной смесью; как они окружили и расстреляли советского летчика, совершившего вынужденную посадку в пустыне. Эти истории были интересными и захватывающими, но каким бы увлекательным рассказ ни был, он неизбежно теряет свою прелесть, если его повторять по семь-восемь раз. Вдобавок голос, каким Хонда-сан излагал свои истории, по громкости явно не соответствовал понятию «рассказа». Ощущение было такое, будто в ветреный день он с одного края пропасти изо всех сил старается докричаться до людей, стоящих на другой стороне. Казалось, что сидишь в первом ряду захудалого кинотеатра на каком-нибудь старом фильме Куросавы. Выйдя из дома старика, мы чувствовали себя оглушенными.

И тем не менее мы – или, по крайней мере, я – слушали Хонду-сан с удовольствием. Мы и представить себе такого не могли. Большинство его историй пахло кровью, но в устах доживавшего свой век старика в нестираной одежде подробности боев утрачивали реальность и звучали волшебными сказками. Почти полвека назад отряд Хонды жестоко сражался на бесплодном участке дикой земли на границе Маньчжурии и Монголии. Я почти ничего не знал о войне у Номонхана, пока не услышал рассказы старика. И все же это была невообразимо героическая битва. Практически безоружными они вступили в противоборство с отборными

механизированными войсками Советской армии и были раздавлены. Многие части оказались разгромлены и уничтожены. Командиров, которые без приказа отвели своих солдат с передовой, чтобы спасти их от неминуемой смерти, генералы заставили покончить с собой, и гибель их была напрасной. Многие солдаты, оказавшиеся на советской территории, после войны, когда начали обменивать пленных, отказались возвращаться на родину, боясь, что их обвинят в дезертирстве. Они оставили свои кости в монгольской земле. А Хонду из-за потери слуха комиссовали, и он сделался хиромантом.

– В конце концов, все к лучшему, – говорил старик. – Если бы я не потерял слух, меня скорее всего послали бы на смерть куда-нибудь на южные острова. Так случилось с большинством оставшихся в живых у Номонхана. Номонхан для императорской армии – позор, поэтому всех, кто пережил его, посылали в самые жестокие бои. Им просто говорили: поезжайте туда и умрите! Штабные крысы, устроившие у Номонхана бойню, потом дослужились до больших чинов. Некоторые типы после войны даже стали политиками. А парни, которые по их приказу шли в бой, почти все погибли.

– А почему армия так стыдилась Номонхана? – поинтересовался я. – Войска сражались с таким мужеством, многие погибли. Зачем тогда к оставшимся в живых надо было так бездушно относиться?

Но Хонда-сан, казалось, не расслышал моего вопроса. Еще раз со стуком перемешал гадальные палочки.

– Будь осторожнее с водой, – только и сказал он.

На этом наш разговор тогда завершился.

* * *

После ссоры с отцом Кумико мы перестали ходить к Хонде-сан. Посещать его, как раньше, зная, что услуги старика оплачиваются из кармана тестя, я не мог. Платить самим (а сколько это стоило, я так и не выяснил) не позволял наш семейный бюджет. Тогда, после свадьбы, в материальном отношении мы еле-еле держались на плаву. Так мы и потеряли связь с Хондой-сан – как обычно забывает стариков занятая собою молодежь.

* * *

Даже лежа в постели, я продолжал думать о Хонде-сан. Пробовал сопоставить то, что он говорил о воде, с рассказом Мальты Кано. Хонда предупреждал меня об осторожности. Мальта Кано повышала свой духовный уровень на Мальте, чтобы исследовать воду. Совпадение, может, и случайное, но обоих вода как-то очень волновала. Этот факт начинал меня тревожить. Я представил картину боев у Номонхана: советские танки и пулеметные гнезда, текущую за ними реку. И непереносимую жажду. В темноте мне отчетливо слышался шум реки.

– Тору! – тихо позвала меня Кумико. – Ты не спишь?

– Не сплю.

– Я про галстук. Только что вспомнила. Тот самый, в горошек. Я сдала его в декабре в чистку. Он весь как-то замялся, надо было отгладить. А забрать забыла.

– В декабре? Это ж полгода назад!

– Ты же знаешь, со мной такого не бывает. Я ничего не забываю. Что вдруг произошло? Такой замечательный галстук. – Кумико положила руку мне на плечо. – Это чистка, что у станции. Как ты думаешь, он еще у них?

– Завтра схожу. Думаю, что там.

– Почему? Уже полгода прошло. Обычно в химчистках невостребованные вещи списывают через три месяца. После этого за них никто больше не отвечает. Почему ты думаешь, что галстук сохранился?

– Мальта Кано сказала, что он отыщется. Причем где-то вне нашего дома.

В темноте я почувствовал на себе взгляд Кумико.

– То есть ты ей веришь?

– Начинаю верить.

– Так скоро ты и с моим братом начнешь разговаривать, – довольно произнесла жена.

– Все может быть, – отозвался я.

Кумико заснула, а я продолжал думать о Номонхане. Все солдаты спали. Небо над головой было усеяно звездами, громко стрекотали армии сверчков. Шумела река. Слушая ее течение, я заснул.

5. Страсть к лимонным карамелькам

•

Птица, которая не могла летать, и высохший колодец

Покончив с завтраком, я сел на велосипед и направился к станции, в химчистку. Хозяин – тощий человек лет пятидесяти, с глубокими морщинами на лбу – слушал оркестр Перси Фэйта, что звучал из стоявшего на полке музыкального центра. Это был большой «Джей-ви-си» с дополнительными выносными динамиками. Рядом высилась целая гора кассет. Оркестр во всем блеске звучания струнных выводил «Тему Тары». Хозяин, насвистывая под музыку, в глубине заведения энергично разглаживал сорочку паровым утюгом. Я подошел к прилавку и, извинившись, объяснил, что в конце прошлого года мы сдали в чистку галстук и забыли получить его. Мое появление в полдесятого утра в этом спокойном мирке было равносильно прибытию гонца с дурными вестями в греческой трагедии.

– Квитанции, конечно, у вас нет? – произнес хозяин каким-то бестелесным голосом, обращаясь не ко мне, а к календарю, висевшему рядом с прилавком. На июньском листе календаря красовался альпийский пейзаж – зеленая долина с привольно пасущимся стадом коров и контрастные белые облака, плывущие на фоне Монблана, Маттерхорна или какой-то другой вершины. Затем хозяин перевел взгляд на меня. При этом на его лице будто было написано: «Лучше бы ты не вспоминал о своем чертовом галстуке!» Взгляд был очень прямой и красноречивый.

– Говорите, в конце года? Ну и ну! Ведь полгода уже прошло. Ладно, пойду поищу, но за результат не отвечаю.

Он выключил утюг, водрузил его на подставку и, насвистывая мелодию из фильма «Лето в местечке», зашуршал чем-то в подсобке.

«Лето в местечке» я смотрел в школе вместе с подружкой. Там играли Трой Донахью и Сандра Ди. Был сеанс повторных фильмов – вместе с «Летом в местечке» показывали «Погоню за мальчишками» с Конни Фрэнсис. Фильм был так себе, но, услышав тринадцать лет спустя в химчистке эту музыку, я понял, что вспоминаю то время с удовольствием.

– Так вы говорите: синий в горошек? – спросил хозяин химчистки. –
Фамилия – Окада?

– Да-да, – ответил я.

– Вам повезло.

* * *

Вернувшись домой, я сразу позвонил на работу Кумико.

– Галстук нашелся.

– С ума сойти! Вот молодец! – слышалось в ответ.

Прозвучало ненатурально – как у матери, расхваливающей сына за хорошие отметки, – и оставило какой-то неприятный осадок. Надо было позвонить во время обеда.

– Я очень рада. Ты извини, но у меня сейчас на линии один человек. Позвони попозже, в обед.

– Хорошо, – сказал я.

Положив трубку, я взял газету и вышел на веранду. Как обычно, улегся на живот, развернул страницу с объявлениями о работе и не торопясь прочел от корки до корки столбцы, сопровождавшиеся непонятными кодами и значками. Каких только профессий в мире нет! Все в аккуратных рамочках расставлены по своим местам – как могилы на схеме нового кладбища. Но, как мне показалось, отыскать там подходящую работу практически невозможно. В рамочки заключены сведения и факты, правда, отрывочные. Насколько то, что там написано, не противоречит вашим представлениям? Ряды фамилий, знаков и цифр мелко рассыпались по страницам и напоминали развалившийся скелет неизвестного животного, уже не подлежащий восстановлению.

Всякий раз, когда я долго рассматривал страницы с объявлениями, на меня нападало какое-то оцепенение. Что, собственно говоря, мне нужно, куда теперь идти или куда не идти? Ответы на эти вопросы давались все труднее и труднее.

По обыкновению, с верхушки какого-то дерева раздался крик Заводной

Птицы. Кр-р-р-ри-и-и... Я отложил газету, поднялся и, облокотившись на перила веранды, посмотрел в сад. Спустя какое-то время птица вновь подала свой скрипучий голос с верхушки соседской сосны. Я всматривался в ветви дерева, стараясь обнаружить птицу, но разглядеть ее так и не смог. На ее присутствие намекали только крики. Это повторялось из раза в раз. Пружина жизни на новый день была заведена.

Еще не было десяти часов, когда начался дождь. Такой мелкий, что понять, есть дождь или нет, можно было, только как следует присмотревшись. Мир существует в двух состояниях: когда идет дождь и когда нет. Где-то между ними пролегает граница. Я еще немного посидел на веранде, настойчиво пытаюсь разглядеть эту линию, – она должна проходить где-то здесь.

Непонятно, чем занять время, оставшееся до ленча: то ли пойти поплавать в наш муниципальный бассейн, то ли отправиться на дорожку искать кота. Глядя на моросящий в саду дождь, я раздумывал, какой из вариантов выбрать.

Бассейн или кот?

В итоге победил кот. Мальта Кано заявила, что в наших местах его больше нет. Но в то утро у меня возникло непреодолимое желание отправиться на поиски снова. Охота за котом уже стала частью моей повседневной жизни. Кроме того, если Кумико узнает, что я опять его разыскивал, она будет довольна. Я надел тонкий плащ, решив обойтись без зонтика. Влез в теннисные тапочки, положил в карман плаща ключи от дома и горсть лимонных карамелек и вышел на улицу. Пройдя через сад, я уже положил руку на стену, собираясь перелезть, как услышал телефонный звонок. Застыв в этой позе, прислушался, но не смог разобрать, где звонят – у нас или у соседей. По моим наблюдениям, стоит выйти из дома, как все телефоны начинают звучать одинаково. Я махнул рукой, перебрался через преграду из блоков и очутился на дорожке.

Через тонкие подошвы теннисных тапочек я чувствовал, какая мягкая под ногами трава. Стояла необычная тишина. Я замер, сдерживая дыхание и прислушиваясь, – но никаких звуков не доносилось. Телефонные звонки прекратились. Ни птичьего крика, ни шума улицы. Небо сплошь затянуто серым цветом. В такие дни облака, казалось, поглощают звуки на поверхности земли. И не только звуки, но и многое другое. Например,

чувства и ощущения.

Засунув руки в карманы плаща, я по узкой дорожке добрался до заброшенного дома. Он по-прежнему стоял на месте, вокруг было тихо. Двухэтажный дом с наглухо заколоченными ставнями мрачно возвышался под нависавшими серыми тучами. Он напоминал грузовое судно, наскочившее в бурю на скалы и брошенное экипажем. Если б не подросшая со времени моего последнего визита трава, можно было бы предположить, что время остановилось здесь по какой-то неведомой причине. Трава ярко зеленела после лившего несколько дней дождя, источая первобытные запахи, роднящие все, что пускает в землю корни. В самой середине этого травяного моря в той же позе, что и в прошлый раз, стояла каменная птица, раскинув готовые к полету крылья. Но в воздух ей, конечно, не подняться. Это было ясно и мне, и ей. Птица обречена стоять тут и ждать, пока ее не увезут куда-нибудь или не разобьют на куски. Другой возможности покинуть сад у нее нет. Здесь лишь порхала над травой маленькая белая бабочка, появившаяся на свет с опозданием, когда сезон бабочек уже прошел. Своими неуверенными движениями она напоминала человека, забывшего, что ищет. После пяти минут бесплодных поисков бабочка куда-то сгнула.

Посасывая лимонную карамельку, я оперся о проволочную сетку и поглядел в сад. Никаких признаков кота. Вообще никаких признаков чьего бы то ни было присутствия. Место напоминало застоявшийся водоем, течение в котором остановила какая-то могучая сила.

Вдруг показалось, что за спиной у меня кто-то есть. Я обернулся, но никого не обнаружил. На другой стороне дорожки виднелась лишь ограда и маленькая калитка, у которой в прошлый раз стояла девушка. Но теперь калитка оказалась закрытой, и участок за забором был пуст. Сыро и тихо, пахнет травой и дождем. А еще – моим плащом. Под языком перекатывалась наполовину растаявшая лимонная карамелька. Я глубоко вздохнул, и все запахи соединились в один. Еще раз огляделся – вокруг по-прежнему никого. Хорошенько прислушавшись, я разобрал доносившийся издалека глухой рокот вертолета. Кто-то летал над облаками. Звук удалялся, и скоро над округой снова повисла тишина.

В проволочную сетку, окружавшую участок опустевшего дома, была вделана калитка, тоже из сетки. Я толкнул ее, и она легко отворилась,

словно приглашая войти. «Ничего страшного, все очень просто, заходи – и все», – зазывала калитка. Однако вторжение на чужой участок, даже если на нем стоит лишь пустой дом, – нарушение закона. Чтобы понять это, нет нужды обращаться к познаниям в юриспруденции, которые я накопил за восемь лет. Если кто-нибудь из соседей заметит меня в заброшенном доме и, заподозрив в нехороших намерениях, сообщит в полицию, те тут же примчатся и учинят мне допрос. Я скажу, что разыскиваю кота; он пропал, и за ним приходится рыскать по всей округе. Полицейские станут выяснять мой адрес, чем я занимаюсь. Придется признаться, что я безработный. Это наверняка вызовет у них подозрения. В последнее время полицейские стали страшно нервными из-за террористов-леваков. Они втемяшили себе в голову, что по всему Токио разбросаны подпольные склады, где леваки прячут винтовки и самодельные бомбы. Может статься, начнут звонить на работу жене, чтобы проверить мои слова. Если дойдет до этого, Кумико, боюсь, страшно расстроится.

И все-таки я вошел в калитку. Вошел и быстро затворил ее за собой. Была не была! Будь что будет. Если что-то хочет произойти, пусть произойдет. Мне все равно.

Я пересек участок, внимательно оглядываясь по сторонам. Мои теннисные туфли неслышно ступали по траве. В саду росло несколько невысоких фруктовых деревьев, названий которых я не знал, и был разбит довольно большой газон. Но сейчас здесь все так заросло травой, что ничего нельзя было разобрать. Уродливый плющ мертвой хваткой заключил в свои объятия пару чахлах фруктовых деревьев, казалось, скончавшихся от удушья. Кусты османтуса [15]) вдоль забора сплошь покрывала какая-то отвратительная белесая плесень. У самого моего уха назойливо зудела крошечная мушка.

Пройдя мимо каменного изваяния, я подошел к белым пластиковым стульям, составленным под карнизом. Самый верхний в этой пирамиде был покрыт толстым слоем пыли, но стоявший под ним оказался не таким запачканным. Я вытер его рукой и сел. Место, где я обосновался, укрывали от дорожки буйно разросшиеся сорняки, и увидеть меня оттуда было нельзя. От дождя защищал козырек крыши. Я сидел, смотрел на участок, впитывавший в себя мелкий дождь, тихонько насвистывал и не сразу сообразил, что вывожу увертюру из «Сороки-воровки» – ту самую, что слушал, когда странная женщина своим телефонным звонком помешала

мне варить спагетти.

Я сидел в саду, где кругом не было ни души, глядел на траву и каменную птицу, свистел, безбожно фальшивя, и мне казалось, будто снова наступило детство. Никто не знал о моем укрытии и не мог меня здесь увидеть. Убедившись в этом, я совершенно успокоился.

Поставив ноги на перекладину стула и подтянув к груди колени, я облокотился на них и подпер щеки ладонями. Закрыв на минуту глаза. Вокруг по-прежнему стояла тишина. Темнота под закрытыми веками напоминала затянутое тучами небо, только серый цвет был немного темнее. Время от времени словно кто-то невидимый накладывал на этот фон новый оттенок, чуть отличавшийся от предыдущего. Серый с примесью золота, с добавками зеленого, красного. Я даже обалдел от такого обилия оттенков серого цвета. Странное создание человек: стоит минут десять посидеть с закрытыми глазами, и открывается поразительное многоцветие.

Бездумно перебирая в голове образцы серого цвета, я опять начал насвистывать.

– Эй! – раздался вдруг чей-то голос.

Я испуганно открыл глаза. Наклонившись и вытянувшись вперед, посмотрел поверх сорняков на калитку. Она была открыта. Распахнута настежь. Ясно, что следом за мной в нее кто-то вошел. Сердце сильно забилося.

– Эй! – слышалось снова, и из-за статуи появилась девчонка, загоравшая в прошлый раз в саду напротив. На ней была та же бледно-голубая майка «адидас» и шорты. Она по-прежнему слегка прихрамывала. Не было только солнечных очков.

– Что вы здесь делаете? – спросила она.

– Веду поиски кота, – ответил я.

– Правда? Что-то непохоже. Вы просто сидите и свистите с закрытыми глазами. Так котов не ищут.

Я почувствовал, что краснею.

– Мне лично все равно, – продолжала девчонка. – Но вдруг вас увидит кто-нибудь незнакомый. Подумает, что вы извращенец. А вы правда не извращенец?

– Думаю, что нет.

Девчонка подошла ко мне и после тщательного осмотра выбрала из составленных под карнизом стульев тот, что почище. Учинив ему еще одну строгую проверку, она поставила его на землю и села.

– Что это вы свистели? Совсем никакой мелодии. Вы случайно не педик?

– Да вроде нет. А почему ты так подумала?

– Я слышала, что педики свистеть не умеют. Это правда?

– Понятия не имею.

– Мне вообще-то без разницы – педик, извращенец или еще кто, – заявила девчонка. – Вас, кстати, как зовут? Трудно разговаривать, когда имени не знаешь.

– Тору Окада.

Девушка несколько раз повторила мое имя.

– Так себе имечко, да?

– Как сказать, – ответил я. – Мне всегда казалось, до войны был такой министр иностранных дел – Окада [16].

– Я в этом ничего не понимаю. История мне не дается. Ну ладно. А может, у вас какое-нибудь прозвище есть? Что-нибудь попроще, чем Тору Окада.

Я тщетно пытался вспомнить, было ли у меня когда-нибудь прозвище. Ничего похожего. Интересно, почему?

– Нет у меня прозвища.

– Ну, например, Медведь? Или Лягушка?

– Нет.

– Ну давайте же, – настаивала она. – Придумайте что-нибудь.

– Заводная Птица, – произнес я.

– Заводная Птица? – переспросила девчонка и уставилась на меня, раскрыв рот. – Это еще что такое?

– Заводная Птица, – сказал я. – По утрам, сидя на дереве, она подкручивает пружину нашей жизни.

Девчонка опять пристально посмотрела на меня.

– Я только что это придумал, – вздохнул я. – Эта птица каждый день прилетает к нам и кричит с соседнего дерева: Кр-р-р-ри-и-и... Но ее пока никто не видел.

– Хм! Ладно. Раз так – буду звать тебя Заводной Птицей. Тоже язык сломаешь, но все же гораздо лучше, чем Тору Окада.

– Спасибо.

Девчонка изменила позу: уселась на стул с ногами и уткнулась подбородком в колени.

– А тебя как зовут? – поинтересовался я.

– Мэй Касахара. Мэй... это от месяца май.

– Ты родилась в мае?

– Чего спрашивать? Вот было бы смеху, если б я родилась в июне, а меня вдруг назвали Мэй.

– И то правда. Как я понимаю, в школу ты так и не ходишь?

– Я долго за тобой наблюдала, Заводная Птица, – проигнорировала мой вопрос Мэй. – Из комнаты в бинокль видела, как ты вошел через калитку. У меня всегда под рукой маленький бинокль, чтобы наблюдать за дорожкой. Ты, наверное, не знаешь: здесь разные люди ходят. И не только люди.

Животные тоже. А что ты здесь делал все это время, пока сидел один?

– Да ничего особенного, – сказал я. – Думал о прошедших днях, свистел.

– Ты какой-то чудной, – заявила Мэй Касахара, грызя ногти.

– Вовсе нет. Все люди так поступают.

– Может быть. Но кроме тебя, никто не ходит специально для этого к соседям, в пустой дом. Если делать нечего, то думать о прошедших днях и свистеть можно и в своем саду.

В ее рассуждениях была железная логика.

– Ну как? Нобору Ватая еще не вернулся домой? – спросила Мэй.

Я покачал головой:

– А тебе после нашей встречи он на глаза не попадался?

– Коричневый, полосатый, кончик хвоста чуть изогнут? С тех пор я тоже его ищу, но что-то не видно.

Мэй вытянула из кармана шорт пачку «Хоупа», прикурила от спички. Сделав несколько затяжек, посмотрела мне в лицо:

– Слушай, у тебя волосы не выпадают?

Я непроизвольно провел рукой по волосам.

– Да не здесь, – сказала девушка. – У лба. Тебе не кажется, что они растут чересчур высоко?

– Как-то не замечал.

– Зато я заметила. Вот здесь ты и начнешь лысеть. Волосы будут отступать все выше и выше. Вот так. – Мэй крепко схватила себя за волосы, оттянула назад и показала мне открывшийся белый лоб. – Обрати на это внимание.

Я дотронулся до волос на лбу. Вроде их действительно поубавилось. А может, только воображение. Мне стало немного не по себе.

– Ты говоришь: обрати внимание. А что, по-твоему, надо делать?

– Здесь ничего не поделаешь, – сказала Мэй. – Против облысения нет средств. Человек, которому судьба облысеть, все равно облысеет, когда придет его время. И ничем это не остановишь. Вот говорят: чтобы не было лысины, волосам нужен хороший уход. Но это все неправда. Самое настоящее вранье. Сходи на вокзал Синдзюку [\[17\]](#) и посмотри на бродяг, которые там спят. Ни одного лысого не найдешь. Думаешь, они каждый день моют голову шампунем «Клиник» или «Видал Сэссон»? Или втирают какой-нибудь лосьон? Косметические фирмы что хочешь скажут, чтобы выкачать деньги из таких, как ты.

Ее слова произвели на меня впечатление.

– Твоя правда, – сказал я. – И откуда ты столько знаешь о лысинах?

– Я уже довольно долго подрабатываю тут по соседству в одной фирме, где делают парики. В школу я не хожу, свободного времени – навалом. Заниматься приходится анкетами, опросами и прочей ерундой. Поэтому я все про лысых знаю. У меня полно об этом всякой информации.

– Хм!

– Но знаешь, – продолжала девчонка, бросив на землю окурок и наступив на него, – в этой фирме строго запрещено говорить «лысый» или «плешивый». Вместо этого нужно сказать «у человека фолликулярные проблемы». «Лысый» – это дискриминационный термин. Каково, а? Я как-то ляпнула «человек без растительности на голове», так они там чуть с ума не посходили. «Шутки здесь неуместны, девушка». Они все такие серье-е-езные. Во как. Люди вообще ужасно серьезные.

Я достал из кармана карамельку, бросил ее в рот и предложил такую же Мэй. Она покачала головой и вынула из пачки новую сигарету.

– Послушай, Заводная Птица! Ты ведь безработный? Ничего еще не нашел?

– Нет пока.

– Хочешь заняться серьезным делом?

– Конечно, – ответил я и тут же засомневался, хочу или нет. – Впрочем, не знаю. Наверное, надо подумать. Я сам толком не знаю. Понимаешь, это трудно объяснить.

Покусывая ногти, Мэй Касахара пристально посмотрела на меня и сказала:

– Знаешь, Заводная Птица, давай как-нибудь вместе сходим в эту фирму. Платят так себе, зато работа простая и график свободный. Ну как? Да ты не думай! Просто попробуй. Может, после этого легче будет разобраться в своих делах. Попробуй, хоть для смены обстановки.

«А что? Наверное, было бы неплохо», – подумал я.

– Вообще-то, неплохая мысль.

– Здорово! В следующий раз я за тобой зайду. Где твой дом?

– Объяснить непросто. Надо идти по дорожке, повернуть несколько раз, пока слева не окажется дом, где припаркована красная «хонда-сивик». У нее на бампере наклейка с надписью: «За мир для всего человечества». Наш дом – рядом, но нет выхода на дорожку, поэтому надо перелезть через блочную стенку высотой пониже меня.

– Нормально. Такая высота для меня не проблема.

– Нога больше не болит?

Девушка вздохнула и выпустила струю табачного дыма.

– Ничего. Все в порядке. Я нарочно хромаю, чтобы в школу не ходить. Притворяюсь перед предками. Так и привыкла. Теперь хромаю, даже если никто не видит, когда я одна в комнате. Я вообще педантка. Как говорится, если хочешь обмануть кого-нибудь – сначала обманись сам. Ну да ладно. А ты смелый, Заводная Птица?

– По-моему, не очень, – ответил я.

– А как насчет любопытства?

– Любопытство – другое дело. Есть немного.

– А ты не думаешь, что смелость и любопытство имеют много общего? – спросила Мэй. – Где смелость, там и любопытство, где любопытство, там смелость. Скажешь, не так?

– Хм! Действительно, сходство имеется. Бывает, пожалуй, что смелость и любопытство сливаются вместе, как ты сказала.

– Например, когда тайком забираешься в чужой дом?

– Вот-вот, – сказал я, перекаывая под языком карамельку. – Похоже, что в такие минуты любопытство и смелость идут вместе. Иногда любопытство вытаскивает за собой смелость и подгоняет ее. Но обычно любопытство скоротечно и быстро проходит – в отличие от смелости. Любопытство – что-то вроде приятеля, которому не можешь полностью довериться. Лишь зажигает тебя и в какой-то момент бросает. И после этого приходится действовать в одиночку, собрав все свое мужество.

Мэй чуть задумалась.

– Да... Можно, наверное, и так сказать. – Она поднялась со стула, отряхнула шорты и посмотрела на меня сверху вниз.

– Послушай, Заводная Птица, ты не хочешь посмотреть колодец?

– Колодец? – поинтересовался я. Какой еще колодец?

– Тут есть высохший колодец. Он мне нравится. В какой-то степени. Хочешь взглянуть?

* * *

Мы прошли через сад и, обойдя дом сбоку, оказались у колодца. Метра полтора в диаметре, он закрывался круглой крышкой из толстых досок. Сверху крышка была придавлена парой бетонных блоков. Возле колодца, стенки которого возвышались над землей примерно на метр, как часовой на посту, стояло старое дерево. Как оно называлось, я не знал. Колодец, как и все, что принадлежало этому дому, казалось, уже давно был заброшен. Здесь ощущалось нечто такое, что я бы назвал «полной потерей чувствительности». Складывалось впечатление, что стоит человеку отвести взгляд от этой картины, как изображенные на ней неодушевленные предметы станут еще неодушевленнее.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что колодец гораздо старше остальных построек. Похоже, его выкопали задолго до того, как возвели дом. Даже деревянная крышка выглядела очень старой. Стенки колодца были зацементированы, но, очевидно, цементный раствор для прочности положили на прежнюю конструкцию. Даже дерево рядом с колодцем всем своим обликом подчеркивало, что появилось на этом месте гораздо раньше соседей.

Я опустил на землю бетонный блок, снял одну из половинок дощатой крышки и, опершись руками о край, перегнулся и заглянул внутрь. Дна, однако, видно не было. Колодец, похоже, был глубокий – его нижняя часть утопала в темноте. Я принюхался – изнутри шел слабый запах плесени.

– Воды нет, – сказала Мэй. – Колодец высох.

«Птица, которая не умеет летать, колодец без воды, – думал я. – Дорожка, которая кончается тупиком. И еще...»

Девчонка подняла валявшийся под ногами обломок кирпича, бросила его в колодец. Чуть погодя оттуда донесся слабый сухой звук. И больше ничего. Звук был такой хрупкий, что его, казалось, можно искрошить в руках. Выпрямившись, я взглянул на Мэй и спросил:

– Почему здесь нет воды? Сама высохла? Или кто-то специально засыпал?

Девчонка пожала плечами:

– Если его засыпали, то должны были завалить до самого верха. Какой смысл оставлять дырку в земле? Это опасно – кто-нибудь может туда свалиться. Так ведь?

– Пожалуй, что так, – признал я. – Скорее всего колодец просто почему-то высох.

Мне вдруг вспомнились давнишние слова Хонды: «Когда нужно будет подниматься, найди самую высокую башню и заберись на верхушку. А когда нужно будет двигаться вниз, отыщи самый глубокий колодец и опустишься на дно». Выходит, колодец я уже нашел.

Я снова наклонился и просто так, ни о чем не думая, посмотрел в темноту. Надо же! В таком месте, в такой день существует такая глубокая тьма. Я откашлялся и сглотнул. Мне почудилось, что прозвучавший во тьме колодца кашель исходит от кого-то другого. Во рту еще оставался привкус лимонных карамелек.

* * *

Я накрыл колодец крышкой и положил на место блок. Взглянул на часы. Почти полдвенадцатого. В обеденный перерыв надо позвонить Кумико.

– Мне нужно идти.

Мэй скорчила недовольную гримасу:

– Иди, иди, Заводная Птица. Лети домой.

Мы пересекли участок; каменная птица все так же смотрела в небо своими высохшими глазами. Небо же по-прежнему было затянуто пеленой серых туч без единого просвета, но дождь уже кончился. Мэй выдернула из земли пучок травы и подбросила вверх. Ветра не было, и травинки, рассыпавшись в воздухе, упали к ее ногам.

– До заката еще полно времени, – сказала девчонка, не глядя на меня.

– В самом деле, – откликнулся я.

6. Кумико Окада и Нобору Ватая

Я рос единственным ребенком в семье, и мне трудно представить, какие чувства испытывают друг к другу братья и сестры и как общаются между собой, став взрослыми и начав самостоятельную жизнь. У Кумико, к примеру, когда речь заходила о Нобору Ватая, на лице всегда появлялось какое-то странное выражение – будто она по ошибке взяла в рот что-то не то. Но что скрывалось за этим выражением, мне было неизвестно. К ее старшему брату я не испытывал ни малейшего расположения. Кумико об этом знала и понимала, что у меня есть основания так к нему относиться. Да она и сама не была в восторге от старшего брата. Если бы Кумико и Нобору не были братом и сестрой, представить их за дружеской беседой было очень нелегко. Но они находились в кровном родстве, что, конечно же, все осложняло.

Теперь Кумико почти не встречалась с Нобору Ватая, а я совсем перестал ходить в дом ее родителей. Как я уже говорил, у меня произошло бурное выяснение отношений с ее отцом, закончившееся полным разрывом. Можно пересчитать по пальцам людей, с которыми у меня были ссоры, но уж если до этого доходит, я завожусь на всю катушку и на полпути остановиться не могу. Однако стоило мне выложить тестю начистоту все, что накопилось, как весь мой гнев странным образом куда-то испарился. Не осталось ни ненависти, ни злобы – только облегчение от той тяжести, что приходилось долгое время носить в себе. Я даже подумал, что на долю этого человека выпала по-своему нелегкая жизнь, какой бы неприглядной и глупой она мне ни казалась. Я объявил Кумико, что встречаться с ее родителями больше никогда не буду. Она же может делать это когда захочет. Меня это никак не заденет. Но жена тоже не горела особым желанием с ними видаться.

Нобору Ватая жил тогда вместе с родителями, но в конфликт между мною и отцом вмешиваться не стал, предпочтя остаться в сторонке. Это не особенно меня удивило – я его совершенно не интересовал, и он любым путем старался избегать контактов со мной, если только не было вынужденной необходимости. Поэтому после разрыва с родителями жены

у меня не осталось оснований и для встреч с ее братом. Впрочем, и у Кумико не было особых причин с ним видаться. И он, и она были людьми занятыми. Кроме того, они никогда не были по-настоящему близки.

Тем не менее время от времени Кумико звонила брату в университетскую лабораторию, а он ей – на работу (но никогда – к нам домой). Жена рассказывала об этих звонках, но о чем именно они говорили, мне было неизвестно. Сам я не интересовался, а жена без необходимости не делилась со мной подробностями. Содержание их разговоров было мне безразлично. Не сказал бы, что это мне было неприятно. Просто я не мог понять, о чем могут говорить такие разные люди, как Кумико и Нобору Ватая. Или темы для разговора возникают благодаря особому фильтру кровного родства?

* * *

У моей жены с Нобору Ватая разница в возрасте была девять лет. Не добавляло им близости и то, что в детстве Кумико несколько лет жила у бабушки. Кроме Кумико и Нобору, в семье Ватая был еще один ребенок – девочка, на пять лет старше Кумико. В три года Кумико увезли из Токио в Ниигату [18], в отчий дом отца, где ее воспитанием занялась бабушка. Родители потом объясняли Кумико, что в детстве она часто болела, поэтому они решили, что ей лучше расти в деревне, на свежем воздухе, но Кумико никогда по-настоящему не верила в это. Она не была хилым ребенком, ничем серьезным не болела и не помнила, чтобы кто-нибудь из взрослых в Ниигате обращал особое внимание на ее здоровье.

– Скорее всего это была просто отговорка, – как-то сказала мне Кумико.

Много позже от одного родственника она услышала, что ее бабушка и мать долгое время враждовали, и решение привезти девочку в Ниигату было результатом временного перемирия. Отдав на время дочь, родители Кумико надеялись убажить бабушку, которая в свою очередь, воспитывая внучку, как бы подтверждала связь с сыном, отцом Кумико. Девочка была у нее вроде заложницы.

– У родителей уже было двое детей, и они не боялись лишиться меня, – рассказывала мне жена. – Конечно, они не собирались меня бросать, но подумали, наверное, что я еще маленькая и ничего страшного не случится, если отослать меня из дома. Просто всерьез они об этом не задумывались. В общем, ты не поверишь, но такое решение оказалось удобным для всех. Не знаю почему, но никто из них не понимал, как тяжело оно могло повлиять на маленького ребенка.

Кумико жила в Ниигате у бабушки до шести лет. Конечно, назвать эти годы несчастливыми или исковерканными нельзя. Бабушка не чаяла души во внучке, да и той самой было гораздо интереснее играть со сверстниками, двоюродными братьями и сестрами, чем с родными много старше ее. Кумико привезли обратно в Токио, когда пришло время идти в школу.

Долгая разлука с дочерью стала беспокоить родителей, и, боясь, как бы не было поздно, они настояли на том, чтобы она вернулась домой. Но в каком-то смысле уже было поздно. За несколько недель до отъезда Кумико в Токио на бабушку напало страшное волнение. Она перестала есть, почти не спала. То вдруг начинала плакать, то выходила из себя, то погружалась в молчание. Она крепко обнимала Кумико, а в следующую минуту начинала бить ее по рукам линейкой с такой силой, что оставались рубцы. Ругая самыми последними словами мать Кумико, бабушка говорила внучке, что не отпустит ее и умрет, если она уедет, и тут же заявляла, что не хочет ее больше видеть и что она может убраться куда пожелает. Бабушка даже пыталась вскрыть себе вены ножницами. Кумико никак не могла понять, что творится.

И тогда она отгородилась на время от внешнего мира. Перестала думать, перестала желать. Реальность, в которой она оказалась, была за гранью ее тогдашнего понимания. Кумико закрыла глаза, заткнула уши, перестала думать. Несколько месяцев практически выпали из ее памяти. Она не запомнила ничего из того, что происходило тогда, а пришла в себя уже дома. Там, где ей предстояло жить. С родителями, братом и сестрой. Но это был не ее дом. Просто новая обстановка, новая среда обитания.

Кумико не знала, из-за чего ее разлучили с бабушкой и как привезли на новое место, но инстинктивно понимала, что возврата к той жизни, которая была у нее в Ниигате, уже не будет. Мир, где она оказалась, не укладывался в понимание шестилетней девочки. Ее прежний мир не имел ничего общего с этим и, несмотря на кажущееся сходство, жил по совсем другим законам. Кумико не понимала, на чем стоит этот мир, и даже не могла участвовать в разговорах, которые велись в ее новой семье.

В новой для себя обстановке Кумико росла молчаливой и трудной девочкой. Она не знала, кому верить, на кого положиться. Даже на коленях у родителей она не чувствовала себя спокойной. Девочка не помнила запаха их тел, и эта неизвестность вызывала у нее большую тревогу. Временами она даже ненавидела этот незнакомый запах. Единственным человеком в семье, перед кем Кумико понемногу стала открывать свое сердце, была старшая сестра. Родителям не удавалось найти подхода к дочери, брат еще с тех времен почти не замечал существования Кумико. Одна лишь сестра понимала, какой хаос и одиночество царят в душе Кумико, и терпеливо заботилась о ней: спала с ней в одной комнате, старалась понемногу

разговорить, читала книги, вместе ходила с ней в школу, помогала с уроками. Когда Кумико часами плакала в уголке у себя в комнате, сестра сидела рядом, крепко обняв ее. Она изо всех сил старалась найти дорогу к сердцу Кумико. И если бы через год после возвращения Кумико домой сестра не умерла от пищевого отравления, многое могло бы сложиться иначе.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)